

---

# Глава 1

## СТРАТЕГИЯ СТАЛИНА НА КАНУНЕ ВОЙНЫ: ВЫИГРАТЬ ВРЕМЯ

### 1. Несколько необходимых замечаний

В предшествующих двух томах мне представлялось не только уместным, но и крайне важным выделить тот или иной период в политической биографии Сталина, определив его роль и место в его деятельности. По мере того, как сама эта деятельность обретала все более масштабный характер и начала далеко выходить за рамки нашей страны, естественно, подобное выделение приобретало несколько условный характер. Поскольку все грани его разносторонней деятельности с каждым годом обретали, можно сказать, всеобщее значение. Делать акценты становилось занятием все более сложным, ибо выделять главное из событий, нараставших со стремительностью горного потока, порой казалось излишним, а по просту говоря, в каком-то смысле искусственным.

Но тем не менее годы, непосредственно предшествовавшие началу Великой Отечественной войны, и, разумеется, сама эта война, стали для Сталина времением самых серьезных и самых суровых испытаний. Испытаний, от которых в решающей мере зависели как судьба самого вождя, так и будущее страны. Этот период стал тяжелейшим и вместе с тем одним из самых блестательных и немеркнущих во веки веков во всей нашей истории. Особо следует подчеркнуть одну мысль – это был период испытаний, конечно, не только и не столько для Сталина как государственного деятеля и политика, но и для Советского государства в целом. Впрочем, последнее уточнение, возможно, и неуместно, ибо в это время Сталин и Советский Союз, Сталин и советский народ, вопреки всякого рода измышлению, превратились в нечто неразрывно связанное, представляли собой единое целое, которое нельзя разъединить. Такая посылка, как свидетельствовал объективный ход событий, не выглядит искусственно сконструированной в угоду прославлению вождя. Она является обоснованной и подтверждается всей совокупностью фундаментальных фактов того времени, а не какими-либо отдельными примерами, которые можно подобрать для подтверждения чуть ли не любого утверждения. Ведь совершенно очевидно, что государственность представляет собой одну из самых главных и основных форм существования народов в истории всего человечества. Но сама государственность – не абстракция, обладающая определенными функциями и чертами. Качественной чертой ее выступает органическое единство как широких масс населения, так и той их части, которую представляет руководство страны. Это, конечно, в идеале, поскольку на практике такого органического единства часто не наблюдаем. Но в критические моменты в истории каждой страны это единство становится едва ли не решающей предпосылкой преодоления обрушающихся на страну бедствий и испытаний, будь то война или какой-нибудь серьезнейший кризис, ставящий под угрозу само государственное бытие народа. Как правило, военные испытания служат своего

рода цементирующим элементом единства масс населения и руководителей. Поэтому, если говорить в самом обобщенном виде, сама идея противопоставления народа и руководства страны в военный период выглядит не очень серьезно. За этим скрывается или непонимание сущности самой проблемы — что случается часто, — или же сознательное, продиктованное определенными соображениями или политической конъюнктурой, искажение исторической картины.

Для любого мало-мальски мыслящего человека вполне ясно, что даже самый организованный народ — а таковым в тот период и был советский народ — без правильного и твердого, решительного, железного руководства, руководства (и не убоимся этого слова), доходящего до степени жестокости, а порой даже непримиримой жестокости, сам народ не способен одержать победу в годину тяжелейших испытаний. Только сочетание двух факторов — организованной поддержки народа и достойного руководства — и составляет непременное условие, можно сказать, служит фундаментом успеха.

Данные рассуждения могут кому-то показаться лукавым мудрствованием, не несущим в себе чего-либо определенного и позитивного. Однако в действительности за ними скрываются самые серьезные проблемы, непосредственно связанные с освещением политической биографии Сталина в рассматриваемый отрезок времени.

Если говорить конкретно, то по существу все противники Сталина базируют свои обличения вождя на двух китах — на репрессиях и неподготовленности страны к войне, главным виновником которой якобы был именно Stalin. Сюда, разумеется, присовокупляются и многие другие факты и обстоятельства, которым дается превратное толкование. Но, повторяя, именно эти две ахиллесовы пяты в деятельности вождя фигурируют в арсенале критиков Сталина. Они составляют, так сказать, базисную основу любой антисталинской пропаганды.

Нет спора, в обеих этих сферах Сталиным были допущены серьезные ошибки, просчеты, граничащие порой с тем, что принято называть преступлениями. Однако объективная историческая оценка, конечный исторический вердикт должны строиться на скрупулезном учете всех фактов и обстоятельств. И здесь самое главное — не смотреть на прошлое и не судить о нем без учета реалий эпохи, конкретных обстоятельств, в которых приходилось действовать Сталину. Ретроспективный подход вполне правомерен для анализа той или иной ситуации, для рассмотрения вариантов различного рода действий в сложившихся тогда обстоятельствах. Но он малопродуктивен для подлинной исторической оценки, поскольку в его основе как бы заложен элемент сослагательного наклонения. Но история — это не грамматика, и в ней сослагательное наклонение следует использовать крайне осторожно, отдавая отчет в том, что исторический ход событий был таким, каким он остался в жизни. Ведь нельзя же всерьез воспринимать довольно распространенный афоризм, что “история — это предвидение наоборот”. История, хотя и не такая же точная наука, как, скажем, физика, химия и т. д., но тем не менее она все же наука, а не сумма выводов и оценок, которые даются отдельными представителями этой самой науки. Когда я писал последние слова, меня так и подымало использовать выражение “этой якобы науки”.

Но перейдем от абстрактных умствований к более конкретным вещам.

Если некоторые современные историки и публицисты либерально-демократического покроя склонны уничижительно писать о Сталине и его роли в войне, то главный противник вождя Гитлер придерживался прямо противоположной позиции. В дальнейшем я еще коснусь вопроса о том, как он оценивал Сталина,

равно и вопроса о том, как сам Сталин оценивал Гитлера, поскольку это не только интересно с чисто психологической точки зрения, но и дает возможность глубже заглянуть в логику развивавшихся тогда событий. Так вот, начальник внешней разведки Главного управления безопасности Германии В. Шелленберг в своих мемуарах со ссылкой на своего непосредственного начальника Р. Гейдриха пишет, что Гитлер в середине июля 1941 года, когда он уже не сомневался в своей победе над Советской Россией, говоря о перспективах, “настаивал на скорейшем создании хорошо спланированной системы информации – такой системы, которой мог бы позавидовать даже НКВД: надежной, беспощадной и работающей круглосуточно, так, чтобы никто – никакой лидер, подобный Сталину, – не мог бы возвыситься, прикрываясь флагом подпольного движения, ни в какой части России. Такую личность, если она когда-либо появится, надлежит своевременно распознать и уничтожить. Он считает, что в своей массе русский народ не представляет никакой опасности. Он опасен только потому, что заключает в себе силу, позволяющую создать и развивать возможности, заложенные в характере таких личностей”.<sup>1</sup>

Думается, что нет смысла комментировать данное высказывание. Из него явствует вполне определенно, что в сталинском руководстве фюрер усматривал самую серьезную опасность для себя не только во время войны, но и после ее гипотетического победного завершения. Конечно, хвалить Сталина устами Гитлера – не самая приятная вещь: она в чем-то кажется мне даже кощунственной. Однако суть не в эмоциональном подходе, а в подходе реалистическом, а то, как Гитлер оценивал своего смертельного врага, в определенной мере отражает какие-то стороны исторической панорамы тех лет.

Сошлюсь на свидетельство министра иностранных дел фашистской Германии И. фон Риббентропа, написавшего в тюрьме, в ожидании приговора Нюрнбергского трибунала, нечто вроде мемуаров. Разумеется, в них он стремился представить события и роль германских лидеров в ином свете, чем это было на самом деле. И все-таки его информация в какой-то степени может служить источником для определенных оценок и выводов. Самому министру иностранных дел, как и другим лицам из ближайшего окружения фюрера, Сталин казался своего рода мистической личностью.<sup>2</sup> Но мистики в Сталине не было. Склонность фашистских лидеров всюду видеть что-либо мистическое простиекала из их сумасбродных теорий. Весьма примечательно, что Гитлер после поражения под Сталинградом счел возможным дать следующую характеристику Сталину. Как пишет Риббентроп, “в те тяжелые дни после окончания боев за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлером. Он говорил – в присущей ему манере – о Сталине с большим восхищением. Он сказал: “на этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941–1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, несгибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Stalin – это именно тот крупный противник, которого он имеет как мировоззренческом, так и в военном отношении. Если

<sup>1</sup> В. Шелленберг. Лабиринт. М. 1991. С. 227.

<sup>2</sup> Иоахим фон Риббентроп. Мемуары нацистского дипломата. М. 1998. С. 186.

тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной Армии — грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, — историческая личность совершенно огромного масштаба”<sup>3</sup>.

Возможно, я несколько переборщил по части цитирования фашистских заправил, особенно применительно к Сталину. Некоторые, прежде всего из либерального круга публицистов, могут из этих высказываний почерпнуть дополнительную аргументацию для шельмования советского лидера. Однако меня это не пугает, поскольку в данном случае даже такой закоренелый противник, каким был фюрер, вынужден был, хотя и в косвенной форме, признать в Сталине личность исторического масштаба, оказавшуюся способной организовать не только сопротивление германской агрессии, но и нанести хваленой немецкой армии ряд катастрофических поражений. Относительно замка, о котором говорил фюрер, то это уже можно с полным основанием отнести к разряду бредовых идей, по части которых с Гитлером мало кто мог соперничать. Что же касается его способности предвидеть, то достаточно вспомнить финал всей политической деятельности фюрера, чтобы по полной мерке оценить ее.

Было бы грубой примитивизацией всю проблему сводить к попыткам в тенденциозном свете представить деятельность Сталина в предвоенные и военные годы. Дело, конечно, не в одном Сталине, хотя и в нем тоже. Историки и политические пропагандисты горбачевского безвременя и постперестроечной поры, всячески разоблачая действительные и мнимые преступления и ошибки Сталина, преследовали и более масштабную цель. Она состояла и до сих пор состоит в том, чтобы заново переписать историю и по всем параметрам опорочить советский общественный строй — социализм. В нем они усматривают главную причину всех проблем, с которыми сталкивалась наша страна на протяжении многих десятилетий советской власти. Концентрируя удар против Сталина, они бьют одновременно по двум целям — по социализму как общественному строю и по Сталину как наиболее видному и авторитетному представителю и олицетворению этого строя. И это — отнюдь не какая-то историческая новация: любой победивший новый режим, как правило, всячески охаивает прежний, приписывая ему все, что только можно приписать, при этом переходя даже пределы элементарной логики и здравого смысла. Особенно тогда, когда новому режиму нечем похвастаться.

Так, историк В.М. Кулиш в одной из статей, полной противоречий и упрощений, пытаясь как-то свести концы с концами и совместить внутренне исключающие друг друга положения, писал: “В первый период войны потерпела поражение не только армия, но и вся административно-командная система. Она оказалась неспособной своевременно и гибко реагировать на развитие внутренней и международной обстановки, находить оптимальные решения и выбирать наиболее эффективные способы и средства ликвидации или нейтрализации возникающей для страны военной опасности. В ходе войны порочность этой системы была в значительной степени локализована, ее последствия устраниены энтузиазмом и инициативой, доблестью и героизмом, потом и кровью советских людей, активизацией деятельности партийных организаций (областных, районных, низовых), органов Советской власти, общественных организаций.

<sup>3</sup> Иоахим фон Риббентроп. Мемуары нацистского дипломата. С. 265.

Сталин и его преемники использовали свой метод освещения истории Великой Отечественной войны, победу в войне в целом для того, чтобы оправдать бюрократическую систему управления. Дело было представлено так, что жесткая централизация управления с присущими ей методами, включая и массовые репрессии, не подвела страну к грани катастрофы, а, наоборот, якобы спасла ее от поражения и привела к победе<sup>4</sup>.

Не будем полемизировать с покойным историком. Все было бы нормально, если бы подобная точка зрения ушла в небытие вместе с ее апологетом. Напротив, концепция, заложенная в приведенной выше цитате, не только не стала доспособием прошлого, но и обретает все более воинственную, а порой и просто маниакальную по своей напористости и тенденциозности направленность. Средства массовой информации, авторы исторических исследований, посвященных данной теме, не говоря уже о целых легионах разбойников пера и микрофона, денно и нощно вдалбливают в общественное сознание идеику о том, что победа в Великой Отечественной войне была достигнута слишком высокой ценой и вовсе не благодаря существовавшему тогда общественному строю и его олицетворению – Сталину, а как раз вопреки всему этому.

Разумеется, эта фундаментальная мысль разными учеными и пропагандистами преподносится под различным соусом и с отнюдь не одинаковой научно-документальной аргументацией. Опубликовано немало работ, в которых солидные авторы, давая свою интерпретацию событиям тех лет, призывают взглянуть на события той эпохи с планетарных высот (а почему не с еще более масштабных – например, космических?). “Только при планетарном подходе можно восстановить попранные сталинизмом профессионализм, честь и достоинство историка и гражданина, его ответственность перед обществом. Этот подход не означает равнодушия к добру и злу, отречения от принадлежности к той или иной социальной группе. Но он обязывает ученых всегда служить истине, даже если это и противоречит чьим-то сиюминутным интересам”, – патетически пишут А. Мерцалов и Л. Мерцалова.<sup>5</sup>

В сущности, позицию, выраженную в данном высказывании, трудно опровергнуть. Однако одних клятв в приверженности истине и исторической правде, призывов внимать голосу совести и отличать добро от зла – всего этого недостаточно. По крайней мере, под мощной защитой провозглашенных этических норм цитировавшиеся выше авторы явно тенденциозно трактуют многие события тех лет и выносят безапелляционные вердикты. В приложении к историческому материалу их вердикты чем-то смахивают на приговоры суда инквизиции. Квинтэссенция их вердикта столь же проста, сколь и сурова: “Сталин оставил своим наследникам весьма слабую схему доводов, призванных скрыть ответственность за события 1941 г. и их последствия. Среди них – нарочитое подчеркивание “вероломства фашистов”; двусмысленное утверждение о внезапности нападения без указания его сути и виновников, ложные тезисы о военно-техническом превосходстве вермахта над Красной Армией в момент нападения, об использовании вермахтом уже 22 июня всего военно-экономического потенциала завоеванных стран; внешне правдоподобные положения об отмобилизованности вермахта и овладении им опытом современной войны, быстром поражении Франции и отсутствии второго фронта; фарисейские тезисы о “самоуспокоенности”, “благо-

<sup>4</sup> История и сталинизм. Сборник статей. М. 1991. С. 348.

<sup>5</sup> А. Мерцалов, Л. Мерцалова. Сталинизм и война. М. 1998. С. 31.

душии" народа и "недисциплинированных красноармейцах и командах", "перепуганных интеллигентиках", "некомпетентности и измене генералов"; жалкие попытки создать некие конструкции о нациях "миролюбивых и агрессивных", о контрастаплении как панацея чуть ли не от всех военных бед и др."<sup>6</sup>.

Не знаю, как у читателя, но у меня эта схема доводов, которую высмеивают авторы, почему-то не вызывает столь решительного отторжения. Возможно, в ней кое-что упрощено или преувеличено, но в своей основе она соответствует, на мой взгляд, тому, что мы имели в действительности. В дальнейшем, при конкретном рассмотрении затронутых проблем, мне представится возможность привести необходимые контраргументы. Сейчас я хотел бы привести мнение историка Ю. Полякова, которое, по моим, возможно, примитивным представлениям, кажется достаточно объективным, и его трудно опровергнуть, если не закрывать глаза на реальности той поры. "Без сталинского авторитета в то время, – писал он, – без жёсткой требовательности и дисциплины вряд ли удалось бы в условиях тяжелейших поражений, потерь, неудач удержать от развала государственную машину и всю страну. Это практическая сторона. Но есть и другая – психологическая. В военных условиях важен был Сталин как организатор, в руках которого сосредоточивались все бразды правления, а держал он их достаточно твёрдо".<sup>7</sup>

Оставляя для дальнейшего более обстоятельного рассмотрения некоторые из принципиально важных моментов, касающихся прежде всего методологии подхода к оценке событий той поры, считаю необходимым хотя бы в самом конспективном виде затронуть еще одну важную проблему. От того, как интерпретировать ее, как применять при анализе того или иного события, в принципе зависит, по существу, все: и направленность выводов, и концепция самого автора. Иными словами, дух и характер всего исследования.

Речь идет о моральных аспектах, а говоря шире – о роли и месте морально-этических норм при подходе не столько к событиям, сколько к мотивам, которыми руководствовался Сталин в проведении своего внешнеполитического курса. Исследователи либерального толка на каждом шагу пытаются уличить Сталина в попрании элементарных норм морали, беззастенчивом цинизме, который стал будто бы определяющей чертой как его политического мышления, так и его конкретных внешнеполитических действий. Я специально выделяю сферу внешней политики, поскольку именно она в этот период находилась в эпицентре всей его деятельности. Что, однако, не равнозначно тому, будто внутренние проблемы отошли на задний план. Здесь нельзя допускать упрощения и искусственно отделять область его внешнеполитической деятельности от руководства всей советской политикой вообще.

Но неоспоримым фактом является то, что сфера международная обрела приоритетное значение в числе проблем, которыми ему пришлось в это время заниматься. Именно этот период стал тем периодом, когда он не только за кулисами, но и на открытой политической сцене начал проявлять себя в качестве государственного и политического деятеля первой величины. Именно тогда Сталин по-настоящему выявил и продемонстрировал свои качества деятеля мирового плана. В тогдашнем раскладе мировых политических фигур он выдвинулся на первый план. Его позиция по тому или иному международному вопросу начала играть одну из решающих ролей при решении крупных мировых проблем, прежде

<sup>6</sup> А. Мерцалов, Л. Мерцалова. Сталинизм и война. М. 1998. С. 238.

<sup>7</sup> "Свободная мысль". 1994 г. № 11. С. 74.

всего проблем войны и мира. Разумеется, его вес и роль в мировой политике определялись не его собственными личными качествами, а прежде всего возрастанием экономического, политического, военного, научно-технического, культурного и иного потенциала страны. Хотя, следует добавить, личные черты и своеобразные особенности характера Сталина, бесспорно, наложили свою неизгладимую печать на то, как он выступал на мировой арене в роли одного из мировых лидеров. Не преувеличивая, можно с достаточным на то основанием утверждать, что именно в рассматриваемый период вождь фактически завершил формирование своей внешнеполитической концепции. Причем, следует уточнить, что в данном случае имеются в виду не какие-то теоретические формулировки или положения, а сам дух, реальное содержание этой концепции. К тому же сам термин — завершение формирования концепции — это скорее подведение какого-то промежуточного итога, а не финал всего процесса. Ибо внешнеполитические взгляды и установки вождя никогда не представляли собой свода законченных и незыблемых формул. Они никогда не отличались статичностью, а находились в динамике развития вплоть до самой его смерти.

Во втором томе мне уже доводилось цитировать мысль Сталина о роли морали в политике, высказанную в марте 1939 года с трибуны XVIII съезда партии. По-моему, ее стоит напомнить, поскольку она выражает принципиальный подход советского лидера к данной проблеме. Итак, Stalin говорил: “Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об “измене, о предательстве” и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые прожженные буржуазные дипломаты”<sup>8</sup>.

Современные критики Сталина, усматривающие во всей политике Сталина, как и в его целостной политической философии, небрежение к морали и нравственности, явно используют двойные стандарты, коль речь заходит о Сталине. В данном случае речь идет о соотношении морали и политики, а точнее, о том, всегда ли может политика реализма оставаться моральной. Это убедительно показал покойный ныне историк В. Кожинов в своей хорошо аргументированной и отличающейся глубиной книге по истории Советской России. Позволю себе привести довольно обширный отрывок из его книги, который относится к рассматриваемому периоду.

“Мы не прочь, — сказал генсек в самом тесном кругу (Ворошилов, Молотов, генсек Исполкома Коминтерна Георгий Димитров), — чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран...”. Ныне доктор исторических наук М.М. Наринский, цитируя эти суждения, комментирует: “Говоря о политике Советского Союза, Stalin цинично (выделено мною — В.К.) заметил: “Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались”.

Прежде всего следует внимательно вдуматься в эпитет “цинично”, ибо по одной этой детали можно ясно понять существо нынешней “либеральной” историографии войны. В словах Сталина выражено типичнейшее и даже элементарнейшее отношение государственного деятеля какой-либо страны к войне, разразившейся между соперниками этой страны. Так, 23 июня 1941 года сенатор и будущий президент США Гарри Трумэн заявил не в узком кругу (как Stalin), а

<sup>8</sup> И.В. Stalin. Вопросы ленинизма. М. 1947. С. 572.

корреспонденту популярнейшей “Нью-Йорк Таймс”: “Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше!”<sup>9</sup>

Пусть читатель меня простит, но я не могу ограничиться приведенным выше пассажем. Для большей убедительности позволю сослаться также на мнение столь крупного и уважаемого не только на Западе политика, каким был У. Черчилль. Он в своих мемуарах посчитал необходимым также коснуться вопроса о месте и роли морали в политике. Его точку зрения современные российские либеральные исследователи едва ли рискнут поставить под сомнение, а тем более упрекать его в цинизме. (Ведь это же не Сталин!)

Итак, Черчилль писал: “Нагорная проповедь – последнее слово христианской этики. Все уважают квакеров. Однако министры принимают на себя ответственность за управление государствами на иных условиях.

Их первый долг – поддерживать такие отношения с другими государствами, чтобы избегать столкновений и войны и сторониться агрессии в какой бы то ни было форме, будь то в националистических или идеологических целях. Однако безопасность государства, жизнь и свобода сограждан, которым они обязаны своим положением, позволяют и требуют не отказываться от применения силы в качестве последнего средства или когда возникает окончательное и твердое убеждение в ее необходимости. Если обстоятельства этого требуют, нужно применить силу. А если это так, то силу нужно применить в наиболее благоприятных для этого условиях. Нет никакой заслуги в том, чтобы оттянуть войну на год, если через год война будет гораздо тяжелее и ее труднее будет выиграть. Таковы мучительные дилеммы, с которыми человечество так часто сталкивалось на протяжении своей истории. Окончательный приговор в таких случаях может произнести только история в соответствии с фактами, которые были известны сторонам в момент события, а также с теми фактами, которые выяснились позже”<sup>10</sup>.

Если под углом зрения, высказанного Черчиллем, подойти к оценке предвоенной политики Сталина, то вряд ли здесь уместны такие громко звучащие эпитеты, как циничная, аморальная, преступная и т. п., которые всегда находятся в арсенале тенденциозных оценщиков Сталина, его внешнеполитических акций и его поведения в сфере международных отношений. В дальнейшем я специально остановлюсь на конкретных вопросах, стоявших в повестке дня мировой политики тех лет, по которым Сталин принимал те или иные решения.

Заранее хочу оговориться – было бы в корне неверно любые акции вождя в предвоенных условиях квалифицировать только в качестве единственно возможных, разумных и продиктованных реальной обстановкой той эпохи. В его действиях наличествуют не только продуманные на широкую историческую перспективу действия, но и серьезные ошибки как стратегического, так и тактического порядка. Впрочем, в политике, как и в жизни, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Но в приложении к внешней политике ничегонеделание также относится к разряду ошибок самого серьезного плана. Особенно это касается ситуации предвоенной, когда требуется предпринимать действия самого широкого масштаба, от эффективности которых зачастую зависят судьбы не только самого

<sup>9</sup> Вадим Кожинов. Россия. Век XX. (1939–1964). М. 2002. С. 24–25.

<sup>10</sup> Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга первая. Тома 1–2. М. 1991. С. 145–146.

политика, но и страны, руководимой им. С точки зрения этого критерия, Сталин, как показывают убедительные факты, не сидел сложа руки и не наблюдал пассивно, в какую сторону подует ветер истории. Он стремился вести государственный корабль таким курсом, чтобы ветер истории не только не мешал его продвижению к цели, но и всячески способствовал этому.

Кроме того, критикам Сталина нeliшне будет не только помнить, но и справедливо оценивать некоторые самокритичные признания вождя. Правда, сделаны они уже после победы, но это не только не умаляет их значимости, но и придает им еще большую убедительность. Выступая 24 мая 1945 г. на приеме в честь командующих Красной Армии, он признал: “У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства, и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом”<sup>11</sup>.

Но и это самокритическое признание вождя подвергается всяческому осмеянию и извращениям. Рьяных критиков Сталина не устраивает не только сам временной момент признания им ошибок (как будто было допустимо и разумно развертывать кампанию самокритики во время войны, особенно в период наиболее серьезных поражений Красной Армии), но, по всей вероятности, то, что Верховный Главнокомандующий произнес здравицу в честь русского народа, выделив его среди всех остальных. Именно это приводит в состояние чуть ли не бешенства тех, кто в прославлении русского народа усматривает заискивание Сталина перед русским народом, а порой и даже попытку внести раскол в общенациональное единство народов, входивших в состав Советского Союза. Или, может быть, он выделил в качестве избранного совсем не тот народ, который следовало выделить?

Впрочем, оставим пока в покое разоблачителей так называемого тоталитаризма и его персонального воплощения — Сталина. В настоящем томе, как и в двух предыдущих, полемика с отдельными историками и публицистами, пишущими о Сталине и сталинском периоде правления, будет постоянным спутником авторского повествования. Эта полемика — не самоцель, она совершенно неизбежна, с моей точки зрения, для раскрытия подлинного облика вождя и событий тех лет. Следует добавить, что в своей полемике я во многом опираюсь на других авторов, которые с разной степенью обстоятельности и аргументированности уже подвергали критическому разбору соответствующие темы и эпизоды деятельности Сталина. Так что я ни в коем случае не претендую здесь на роль какого-то первооткрывателя. Тем паче что литературу о Сталине можно уподобить могучей реке, которая буквально непрерывно и каждодневно пополняется все новыми и новыми источниками, питающими эту реку. И этот процесс едва ли в ближайшее время остановится, что убедительнее всяких слов свидетельству-

<sup>11</sup> И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1946. 196–197.

ет о поистине глубоком интересе в обществе к данной исторической фигуре. Причем не только в нашей стране, но и за ее пределами, включая сюда прежде всего ведущие западные страны, в первую очередь США, Германию и Англию.

Вместе с тем хотелось бы особо подчеркнуть, что отнюдь не полемика, как бы она ни была важна сама по себе, составляет стержень и содержание моей трилогии о Сталине. Она – всего лишь своего рода составной элемент общей литературной авторской конструкции, цель которой – дать, по возможности, максимально объективную и всестороннюю картину всей деятельности Сталина.

Но объем материала – и это видно, в частности, по всем главам третьего тома, – настолько огромен и разнообразен, что охватить (даже порой в схематической, конспективной форме) все стороны и нюансы политической биографии Сталина – задача, откровенно говоря, невыполнимая. В этом материале можно уточнить, как в бездонной проруби, или же оказаться в положении человека, который сам попадает в бурный поток событий, фактов и персонажей сталинской эпохи, и этот поток несет его. Обе эти опасности на каждом шагу подстерегали меня, и частенько я оказывался не в силах с ними совладать. Отсюда, видимо, и происходят некоторые диспропорции в изложении материала, а порой и перебор по части цитирования источников или тех или иных авторов. Однако – не в качестве оправдания, а лишь как объяснение – скажу, что характер работы таков, что без обильного цитирования источников и литературы обойтись было невозможно. Любые авторские рассуждения, размышления и оценки не в состоянии заменить то, что можно назвать плотью самого исследования.

Считаю неподъемным еще раз подчеркнуть, что, по существу, по каждому сколько-нибудь важному событию или эпизоду я высказываю свою точку зрения, приводя соответствующие аргументы. Конечно, и это абсолютно естественно, я не претендую на истинность и полную обоснованность своих оценок и выводов. Как говорится, дело читателя – делать собственные умозаключения. Но в целях большей объективности я стремился привести и сопоставить мнения разных авторов, поскольку такой метод приближает к поиску того, что условно можно назвать исторически достоверной картиной происходивших событий. Особенно это касается освещения международной проблематики.

Источников по международной проблематике гораздо больше, чем по внутренней. И это касается не только советской страны, но и других стран. Достояниями общественности стали самые обширные архивные и иные документы, имеющие непосредственное отношение как к предпосылкам, так и к самому процессу вызревания военной опасности, закономерно вылившейся во всемирную войну невиданных масштабов. Здесь есть почти безграничное поле для сопоставления и оценок действий различных участников всей этой мировой игры, на кону которой стояли судьбы человечества. Это во многом облегчало задачу более полного и более объективного анализа событий, их оценки не с позиций сегодняшнего дня, а под углом зрения рассматриваемой эпохи.

Как ни пытались государства и правительства, лидеры стран и их высокопоставленные чиновники сохранить свои замыслы и даже действия в тайне, добиться этого было трудно, если, вообще говоря, возможно. Ведь ареной, на которой развертывались все акты мировой драмы, был весь мир. Народы с самым пристальным вниманием, затаив дыхание, следили за развитием событий, от исхода которых зависели их настоящее и будущее. Часто они не были в состоянии оказать должного влияния на ход событий, участниками которых их сделала сама судьба. Но это касается лишь тех или иных процессов и событий. Общий же по-

ток исторического процесса, в том числе и в ходе второй мировой войны, конечно же, определяли народы. Они сами творили свою историю, порой жестоко расплачиваясь за свои иллюзии и заблуждения.

На политической арене их представляли государственные и политические деятели. Вот почему иногда и формировалось превратное представление, что судьбы мира решаются руководителями тех или иных держав. Кстати говоря, никто иной, как Гитлер, постоянно разглагольствовал о том, что именно ему, лидеру "третьего рейха", выпала миссия коренного преобразования мира на началах "нового порядка". Это являлось основой всей его политической стратегии.

В противоположность ему Сталин исходил из диаметрально противоположной посылки: народы, в конечном счете, определяют свою судьбу, а роль их вождей состоит в том, чтобы верно уловить устремления народа, его дух и выстроить такую политическую стратегию, которая способствовала бы реализации народных устремлений. Если бы Сталин до войны и в ходе войны не уловил этот дух народа, он был бы обречен на полное фиаско. Это – факт фундаментального значения, который игнорируют те, кто противопоставляет Сталина народу и утверждает, что победил в войне народ, а не Сталин. Не будем здесь разводить воду на киселе. Сформулируем мысль предельно лаконично: победил народ, неоспоримым вождем которого был Верховный Главнокомандующий Сталин.

И, наконец, чтобы завершить данный раздел, хотелось бы со всей категоричностью выделить главную мысль, обоснованию и подтверждению которой посвящена первая глава тома. Цель и главный смысл внешнеполитической стратегии и тактики Сталина в два последних предвоенных года целиком и полностью определялись стремлением выиграть время, чтобы лучше подготовить страну к неизбежному военному противостоянию с Германией и ее союзниками. Выигрыш времени выступал как залог будущей победы. Время же бежало неумолимо, уменьшаясь, как шагреневая кожа. Именно фактором борьбы за выигрыш времени определялись кажущиеся для прямолинейно мыслящих людей все повороты и зигзаги сталинской внешней политики, начиная с весны 1939 года до зловещего июня 1941 года.

Один из довольно компетентных биографов Сталина И. Дойчер верно уловил этот факт первостепенной важности, без учета которого трудно понять, а тем более достаточно убедительно объяснить поведение Сталина на внешнеполитической арене тех лет. В написанной им политической биографии Сталина мы читаем:

Сталин, подобно Александру I в период войны с Наполеоном, стремился к тому, чтобы сделать время своим главным союзником. "О том, что сам Сталин надеялся на передышку подобной продолжительности, свидетельствует почти каждый шаг, предпринятый им, до тех пор, пока Гитлер не рассеял все его иллюзии в июне 1941 года. То, что он мало верил в победу Гитлера, более чем определенно. Теперь его цель состояла в том, чтобы сохранить состояние мира, и прежде всего выиграть время, и еще раз время, с тем, чтобы реализовать свои экономические планы, создать могущество России и потом бросить это могущество на весы, когда все другие воюющие страны будут находиться на последнем издыхании"<sup>12</sup>.

И если в нарушение высказанного ранее скептицизма в отношении того, что "история – это предвидение наоборот", в качестве угла политического зрения

<sup>12</sup> Isaac Deutscher. Stalin. L. 1966. p. 430.

взять метод ретроспектины, то мне представляется бесспорным, что Сталину, хотя и не в той мере, как ему хотелось, удалось выиграть время и оттянуть срок неизбежной схватки с гитлеровской Германией. Это явилось главным достижением сталинской политики, достижением, явно перевешивающим многие издержки, сопряженные с борьбой за выигрыш времени. Ибо время в тот период играло большую роль, чем пространство. Впрочем, как мы скоро убедимся, Сталин боролся не только за выигрыш времени, но и за увеличение пространства. Последнее, в свою очередь, также могло быть — так и случилось на деле — трансформировано во время. Пространство и время были органически связаны друг с другом: расширяя пространство страны, Сталин тем самым выигрывал и время для укрепления способности страны выдержать натиск противника, мнившего себя не только покорителем Европы, но и будущим властителем мира.

## 2. Не оказаться между молотом и наковальней

Международная ситуация в конце 30-х годов напоминала собой проснувшийся вулкан, готовый истогнать из себя испепеляющую лаву невиданных размолов. Мир, фактически уже вступивший пока еще в локальные по своим масштабам конфликты, жил в ожидании чего-то более опасного, более катастрофического. Гнетущее ожидание неизвестности охватило народы многих стран. Естественно, что Советский Союз в такой ситуации также не мог чувствовать себя спокойно. Stalin, как политик, обладавший чрезвычайно развитым чувством предвидения, способностью заглянуть за горизонты текущих событий, прекрасно отдавал отчет во всей сложности и чрезвычайной опасности сложившегося положения в мире, и в особенности в Европе. В своем докладе на XVIII съезде партии он в достаточно реалистических, хотя и не в альманахах тонах, обрисовал мировую обстановку, расстановку сил и доминирующие устремления главных империалистических держав.

На мировой авансцене был правил политика невмешательства, а точнее говоря, политика фактического поощрения агрессоров. Зловещая тень политического Мюнхена нависла над Европой. Если отбросить все экивоки и назвать вещи своими именами, то, в сущности, тогда вопрос стоял о том, чтобы канализировать агрессивные устремления Германии и ее союзников по Антикоминтерновскому пакту — Италии и Японии — против Советского Союза. Что касается так называемых западных демократий, то они, сами не помышляя о выступлении против Советского Союза, всячески давали понять, что Советская Россия с ее большевистским режимом приходится им не по душе и что, таким образом, СССР в определенном смысле должен оказаться в положении, называемом положением между молотом и наковальней. Французский исследователь Н. Верт, автор книги по советской истории, широко распространенной в нашей стране в ельцинский период в качестве учебника или учебного пособия для российских студентов, прямо писал: “К концу 1938 г. внешнеполитическое положение СССРказалось более хрупким, чем когда-либо, а вызывавшая опасения угроза создания единого “империалистического фронта” была вполне реальной”<sup>13</sup>.

Для любого мало-мальски думающего политика никакого секрета не представляло то, что мюнхенское соглашение не было случайным, оно не могло вос-

<sup>13</sup> Н. Верт. История Советского государства. М. 1995. С. 288.

приниматься в качестве некоего доброго жеста Англии и Франции в сторону Германии, а тем более как попытка чуть-чуть сгладить роковые последствия Версальской системы. Это был своего рода аванс, даваемый Гитлеру в расчете на то, что он направит свои взоры в сторону Востока, т.е. против Советской России.

Это была не слишком тонкая политическая игра, чтобы ее нельзя было разгадать. Тем более, что наиболее прозорливые западноевропейские политики, как, например, У. Черчилль, с самого начала мюнхенского сговора открыто осудили сделку с Гитлером. При этом они указывали на неизбежные роковые последствия сделанного шага. Выступая в палате общин после подписания мюнхенских соглашений, У. Черчилль на всю страну заявил: "...Народ должен знать правду. Он должен знать, что нашей обороной недопустимо пренебрегали и что она полна недостатков. Он должен знать, что мы без войны потерпели поражение, последствия которого мы будем испытывать очень долго. Он должен знать, что мы пережили ужасный этап нашей истории, когда было нарушено все равновесие Европы и когда на время западным демократиям вынесен ужасный приговор: "Тебя взвесили и нашли легковесным". И не думайте, что это конец. Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение чаши горечи, которую мы будем пить год за годом, если только мы не встанем, как встарь, на защиту свободы, вновь обретя могучим усилием девственное здоровье и воинственную энергию"<sup>14</sup>.

Трудно что-либо добавить к словам Черчилля. Это, действительно, было только начало расплаты — расплаты за близорукую политику, расплаты за стремление канализировать гитлеровскую агрессию против Советской России, за стремление оказаться в положении третьего радующегося. Ведь расчет был не просто наивным, но и коварным. Для Сталина вся эта мюнхенская стратегия попустительства агрессивным устремлениям Гитлера была ясна от начала до конца. Он следующим образом охарактеризовал ее: "...Некоторые политики и деятели прессы Европы и США... сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их "разочаровали", так как вместо того, чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посыпая их куда-то подальше"<sup>15</sup>.

Стоя на почве фактов и реализма, нельзя не признать полную обоснованность и справедливость оценки, данной Сталиным. Особо следует подчеркнуть тот факт, что к тому времени вождь уже в значительной мере модифицировал, если не сказать сильнее, свой прежний преимущественно классовый подход к международным проблемам. Сама жизнь показала, что в столь сложном мире, каким он оказался в конце 30-х годов, однолинейные, исходящие в основном из классовых критериев, подходы к решению внешнеполитических задач, встававших перед страной, оказались явно ограниченными, а отнюдь не универсальными, как считалось прежде. В сферу мировой политики вторглись многие принципиально новые факторы, которые уже не укладывались в прокрустово ложе чисто классового подхода. Последнее, разумеется, отнюдь не означало, что клас-

<sup>14</sup> Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга первая. Тома 1–2. М. 1991. С. 149.

<sup>15</sup> И.В. Сталин. Вопросы ленинизма. С. 572.

совый фактор вообще утратил свою роль и превратился в сугубо пропагандистскую фикцию.

Сталин преодолел узоклассовые рамки анализа ключевых мировых проблем и совершил не то что переход на принципиально новые исходные позиции, но дополнил, а порой и полностью заменил классовые критерии геополитическими критериями. Последние оказались более емкими, больше отвечали реальностям международной жизни, давали возможность под широким углом зрения и с разных сторон подходить к решению стоявших задач. Разумеется, сталинская геополитика существенным образом отличалась от классической геополитики, у одного из разработчиков которой Хаусхофера германский фюрер позаимствовал многие идеи откровенно расистского толка. В сталинском понимании геополитика (хотя он сам и не применял этот термин, по крайней мере публично) предполагала объективный учет всех факторов международной жизни. Причем чисто классовые критерии не должны были заслонять, а тем более исказить реальное видение всей мировой панорамы, как она складывалась в тот или иной исторический отрезок времени. Признаком перехода от старых большевистских представлений может служить хотя бы тот факт, что Сталин фактически поставил под сомнение прежний постулат, согласно которому большая война может привести к революции в странах, вовлеченных в нее.\*

Уже сама по себе эта ревизия большевистских постулатов о войне как локомотиве революционных взрывов может быть расценена как серьезный вклад вождя в творческую мысль нового большевизма, или сталинизма. Это говорит о том, что он в своей деятельности, будь то область теории или практики, не стоял на догматических позициях и, когда реалии жизни требовали отказа от устаревших или однолинейных положений, не колеблясь, шел на это. Излишне подчеркивать, что чем сложнее становилась мировая обстановка, тем больше требований она предъявляла к нему, тем больше она диктовала необходимость смелого пересмотра укоренившихся в среде большевиков взглядов. В дальнейшем, по ходу рассмотрения деятельности Сталина в области внешней политики и международных отношений, мы не раз будем иметь возможность убедиться в том, что он творчески применял геополитические подходы к решению самых сложных проблем. Это дает основание в каком-то смысле считать его основоположником советской геополитики.

В свете сказанного совершенно неубедительны и тенденциозны упреки в адрес сталинской внешней политики того периода, исходящие от его критиков либерально-демократического покроя. Так, историк М. Семиряга в книге, специально посвященной исследованию сталинской внешней политики предвоенного периода, утверждал:

“Что же касается Советского государства, то к середине 30-х годов оно, хотя и не всегда последовательно, демонстрировало свое миролюбие и заинтересованность в мирном сосуществовании с капиталистическими странами. Однако набиравшие силу в эти годы террористические методы руководства во внутренней политической жизни Советского Союза находили отражение и в его международной политике. Особый “сталинский” почерк все более проявлялся во внешнеполи-

\* Сталин выдвинул это положение в докладе на XVIII съезде партии, хотя и сформулировал его в чрезвычайно осторожной и деликатной форме, поскольку считал, что новые идеи и мысли следует внедрять в сформировавшееся годами общественное сознание постепенно. Ведь каждая новация, особенно та, о которой идет речь, некоторыми могла быть истолкована превратно и расценена как отход от революционных принципов.

тических шагах советского правительства. В принципиальном плане это выражалось прежде всего в том, что советское руководство давало одностороннюю оценку расстановки и соотношения политических сил в мире. Утверждалось, например, что в центре мировой политики стояла борьба двух систем – капиталистической и социалистической. Отсюда формулировался тезис о том, что СССР является крепостью, осажденной врагами, одиноким островком в бушующем океане империализма, который только и выжидает случая, чтобы смыть этот островок с лица земли. Из этого тезиса вытекал вывод, который настойчиво навязывался советскому народу Сталиным, чтобы оправдать его внутреннюю политику: необходимо усиливать эту крепость (т. е. сталинский режим) и всячески поддерживать закрытый характер советского общества<sup>16</sup>.

М. Семиряга сознательно подменяет понятия, а точнее – пытается доказать, будто укрепление Советского государства, усиление его оборонной мощи, по существу, сводилось к усилению сталинского режима. Между тем, каждому должно быть ясно, что иного режима в нашей стране тогда не существовало и, как я уже показал во втором томе трилогии, смена Сталина на посту главного руководителя партии и страны в тех условиях, во-первых, практически была невероятной и невозможной, а во-вторых, из этого логически следует, что выступления против этого режима объективно означали и выступление против укрепления самого государства, его экономической и военной мощи, подрыв его позиций на мировой арене. Доведенная до своего логического конца мысль этого историка фактически сводилась к тому, что, мол, устранение вождя могло лишь укрепить мощь Советской России. На проблематике отношений народ – вождь я уже останавливался выше, и нет резона повторять сказанное. Добавлю лишь, что такая позиция М. Семиряги на деле лишь является повторением избитой троцкистской идеи о том, что мощь и авторитет нашей страны можно было усилить, лишь вступив на путь борьбы с существовавшим режимом. Троцкий тоже рисовал какие-то фантастические планы одновременной борьбы против фашизма и сталинского режима. Достаточно только сослаться на одну из его публикаций, относящихся к 1939 году, чтобы убедиться в полной абсурдности его анализа ситуации и вариантов возможного развития событий. “Нанося вооруженной рукой удары Гитлеру, большевики-ленинцы будут в то же время вести революционную пропаганду против Сталина, подготавляя его низвержение на следующем, возможно близком этапе.... Такого рода “защита СССР” будет, разумеется, как небо от земли, отличаться от официальной защиты, которая ведется ныне под лозунгом: “за родину, за Сталина!” Наша защита СССР ведется под лозунгом: “за социализм, за международную революцию, против Сталина!”<sup>17</sup>

Не остается ничего, кроме как подумать, что ненависть к Сталину лишила Троцкого элементарного здравого смысла, не говоря уже о присущей ему способности к блестящему по форме и нередко основательному политическому анализу.

Что за этим могло последовать – каждый поймет в силу своего разумения. Лично для меня чем-то вроде аксиоматичной истины звучит следующее положение: нельзя укреплять государство, ведя борьбу против режима, который пользовался поддержкой абсолютно подавляющего большинства населения. А последний факт серьезный историк вряд ли способен поставить под сомнение. Во имя устранения Сталина пожертвовать судьбой страны – таков смысл подобного рода

<sup>16</sup> М. Семиряга. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М. 1992. С. 7.

<sup>17</sup> Л. Троцкий. “Германо-советский пакт и характер СССР”. (Электронная версия.)

взглядов, если выразить их откровенно, а не под флером научной и псевдонаучной аргументации. Впрочем, когда речь идет об историках периода горбачевского безвременя и всего в целом периода, когда к власти пришли "демократы", апеллировать к их здравому смыслу и логике – вещь довольно наивная. В конце концов, не приговоры, вынесенные задним числом отдельными историками, а итоги и результаты реального развития Советской России в те годы – вот главный аргумент в защиту сталинской внешнеполитической стратегии. И если по вопросам внутренней политики, прежде всего по вопросу о репрессиях, критику Сталина во многом можно признать справедливой, хотя в чем-то и изрядно эмоционально окрашенной и зачастую тенденциозной, то по вопросам внешней политики такую заушательскую критику следует решительно отторгнуть. Ибо, выражаясь figurально, с водой можно выплеснуть и ребенка. Stalin проводил свою стратегию в сфере международных отношений последовательно и целеустремленно. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, чего хотели в то время демократические державы Запада и чего хотел Гитлер, чего хотела японская военщина. Нашу страну одни рассматривали в качестве куска добычи, другие – как пешку в большой политической игре, которую они вели. Однако, как говорится, вместо того, чтобы втравить Советскую Россию в войну, в которой Запад играл бы роль стороннего наблюдателя, а затем и вершителя судеб воюющих держав, он сам оказался вовлеченным в схватку, исход которой оказался счастливым для западных демократий главным образом благодаря Советской России. И не преувеличивая, можно сказать – благодаря тому режиму, который был в нашей стране и нашел в себе достаточно сил, чтобы выиграть войну, а не выступить в роли того, кто таскает каштаны из огня для других. Советской России под руководством Сталина удалось избежать участи державы, которую германский молот мог бы раздавить на демократической наковальне.

**Конфликт в районе реки Халхин-Гол.** Западное направление советской политики было, конечно, главным направлением. Однако отнюдь не второстепенное место занимало и восточное направление. Речь идет в данном случае о Японии и ее попытках прощупать крепость Советской России и, при возможности, отхватить от нее лакомые кусочки. На протяжении всего межвоенного периода сфера советско-японских отношений являла собой арену непрерывного противостояния, обретавшего самые различные формы. Я не стану здесь вдаваться в детали этих отношений, поскольку их рассмотрение выходит за рамки моей непосредственной задачи. Применительно к персонажу нашего повествования здесь важно отметить, что Stalin ни в коей мере не преуменьшал грозную опасность агрессии со стороны Японии. Он никогда не упускал случая, чтобы напомнить об этой опасности, и делал все возможное для укрепления восточных рубежей нашей страны. Надо ли говорить, что двойная угроза – с Запада и Востока – делала задачу обеспечения национальной безопасности страны, в первую очередь гарантировать ее территориальной целостности, чрезвычайно сложной и весьма тяжелой для страны, которая только что покончила со своей вековой отсталостью и вступила на путь динамичного развития. Это была чрезвычайно сложная и самая важная задача.

Японская военщина на протяжении многих лет устраивала разного рода провокации как на суше, так и на море. Всякий раз эти провокации приводили к серьезному обострению двусторонних отношений. Во второй половине 30-х годов японские самураи активизировали свои агрессивные вылазки. В 1938 году имел место довольно серьезный вооруженный конфликт в районе озера Хасан.

Тогда японцам был преподан чувствительный урок, хотя хасанский конфликт обнажил и ряд значительных недостатков нашей армии, серьезные изъяны в подготовке войск, организации их взаимодействия и т. д. Stalin внимательно следил за ходом конфликта и, как свидетельствуют источники, высказывал серьезные критические замечания в адрес военного руководства. Однако изжитие недостатков в таком огромном и сложном механизме, как армия, – дело не нескольких дней и даже месяцев. На это уходит много времени в зависимости от сопутствующих причин. Широко известно, что вождь был недоволен действиями маршала В. Блюхера, осуществлявшего общее руководство боевыми операциями в районе озера Хасан. Может быть, это недовольство и послужило одной из причин последовавшей вскоре расправы над некогда легендарным героем Гражданской войны. Но устранение отдельных лиц командного состава отнюдь не могло быть панацеей и средством повышения боеготовности. Нужны были более масштабные и более глубокие корректизы в политике в военной сфере, чтобы в дальнейшем избежать серьезных просчетов в ведении боевых действий. А что та-ковые уже маячили на горизонте, сомневаться не приходилось, что и подтвердил военный конфликт с Японией в районе реки Халхин-Гол.

Общая картина развития халхингольского конфликта выглядела следующим образом. В районе реки Халхин-Гол на территории МНР в мае – сентябре 1939 г. происходили бои между советско-монгольскими и японо-маньчжурскими войсками во время вооруженного конфликта, развязанного японскими милитаристами с целью захватить часть территории МНР. 11 и 14 мая японское командование осуществило вооруженные провокации на границе с МНР небольшими группами японо-маньчжурских войск, а 28 мая силой около 2500 чел. при поддержке артиллерии и авиации. Однако каждый раз монгольские и советские войска, находившиеся в МНР в соответствии с договором о взаимной помощи, отбрасывали захватчиков на маньчжурсскую территорию. К концу июня японское командование полтянуло к границам МНР крупную группировку войск, насчитывающую 38 тыс. чел., 310 орудий, 135 танков, 225 самолётов, с целью окружить и уничтожить советско-монгольские войска на восточном берегу реки Халхин-Гол. Советско-монгольские войска, в командование которыми вступил комкор Г.К. Жуков,<sup>18</sup> занимавшие оборону на восточном берегу реки, значительно уступали в численности и вооружениях японским войскам. Используя численное превосходство, японские войска перешли в наступление, в ночь на 3 июля форсировали реку Халхин-Гол, создав угрозу окружения советско-монгольских войск. Оказывая упорное сопротивление, советско-монгольские войска ударами с трёх направлений контратаковали переправившегося противника и после ожесточённых боёв 4–5 июля отбросили врага на восточный берег и захватили на нём плацдармы.

В начале августа японское командование приступило к подготовке нового наступления. Сосредоточенные на захваченной части территории Монголии японо-маньчжурские войска были сведены в 6-ю армию, насчитывающую около

<sup>18</sup> Назначение Г.К. Жукова произошло не по прямой инициативе Сталина, однако, как можно судить по воспоминаниям самого Жукова, а также по другим документам и материалам, вождь санкционировал этот акт. Stalin, безусловно, прежде чем дать свое согласие на такое назначение, навел справки о кандидате на пост командующего, справился о нем у наркома обороны и у других лиц, знаяших Жукова как способного и решительного командира. Данное назначение сыграло поворотную роль в военной карьере будущего маршала и стало стартовой площадкой для его стремительного роста. В известном смысле можно сказать, что Stalin явился главным патроном Жукова, что свидетельствовало о его умении разбираться в людях и выдвигать наиболее достойных. Для руководителя государства данное качество имеет первостепенное значение.

57 тыс. чел., 498 танков, 385 бронемашин, 542 орудия и миномёта, 515 самолётов. Но были наращены и советские войска, подброшены новые соединения, авиация, танки, артиллерия и т.д. 20 августа 1939 г. советско-монгольские войска перешли в наступление и после упорных боёв окружили основные силы 6-й японской армии. 24–25 августа велись ожесточенные бои по расчленению и уничтожению советскими войсками окружённой и основательно потрепанной японской группировки. 31 августа 1939 г. территория МНР была полностью очищена от противника. В ходе воздушных боёв советская авиация нанесла тяжёлое поражение японской авиации. Всего с мая по сентябрь потери японских войск составили около 61 тыс. чел. убитыми, ранеными и пленными, потери советско-монгольских войск – свыше 18,5 тыс. чел. Япония обратилась к Советскому правительству с просьбой о перемирии, и 16 сентября боевые действия были прекращены.<sup>19</sup>

Уроки событий на Халхин-Голе далеко вышли за рамки чисто локального конфликта. По мнению большинства исследователей, именно это серьезное поражение заставило японские правящие круги, в том числе и военное руководство, радикально пересмотреть свои прежние представления о Красной Армии. В Токио сделали реалистические выводы, и эти выводы в значительной мере повлияли на то, что Япония не решилась присоединиться к Германии, когда та осуществила нападение на нашу страну. Конечно, в занятии такой выжидательной позиции сыграли роль и другие факторы и соображения, но бесспорно одно – урок Халхин-Гола сыграл весьма существенную роль в дальнейшем развитии ситуации в советско-японских отношениях.

Поражение Японии серьёзно повлияло на внешнеполитические позиции Токио, нанесло известный ущерб международному престижу Страны восходящего солнца. Нельзя также не принимать в расчет и еще одно обстоятельство – урок, преподнесенный летом 1939 года, стал большой морально-политической поддержкой борьбы китайского народа в его борьбе сопротивления японской агрессии.

Наконец, следует отметить, что победа на Халхин-Голе убедительно и на фактах показала, что расширению агрессии можно давать достойный отпор и агрессивные государства отнюдь не являются неуязвимыми. Более того, им можно наносить серьезные поражения, что в глазах мировой общественности вызвало прилив уверенности. Авторитет Советской России возрос.

Весьма поучительными и полезными были уроки халхингольских событий и с чисто военной точки зрения. Наши войска получили значительный опыт, особенно по использованию танков и авиации и взаимодействию пехотных соединений с другими военными соединениями. Были в критическом плане проанализированы и слабости, и недостатки наших действий в военном плане.

Г. Жуков в книге своих воспоминаний достаточно подробно описывает свою первую встречу со Сталиным и то, какой огромный интерес он проявлял ко всему тому, что было связано со сражениями с японской военщиной. Вождь в первую очередь поинтересовался оценкой Жуковым боевых возможностей японской армии, но особое внимание обратил на то, как действовали наши войска. В своих воспоминаниях маршал писал:

“Я пристально наблюдал за И. В. Сталиным, и мне казалось, что и он с интересом слушает меня. Я продолжал:

<sup>19</sup> БСЭ (издание третье). Т. 28. С. 176.

– Для всех наших войск, командиров соединений, командиров частей и лично для меня сражения на Халхин-Голе явились большой школой боевого опыта. Думаю, что и японская сторона сделает для себя теперь более правильные выводы о силе и способности Красной Армии”<sup>20</sup>.

Завершая рассказ о первых впечатлениях, произведенных на него Сталиным, Жуков дал следующую лаконичную, но тем не менее емкую оценку. “Внешность И.В. Сталина, его негромкий голос, конкретность и глубина суждений, осведомленность в военных вопросах, внимание, с которым он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление”<sup>21</sup>.

В распоряжении историков имеется материал, показывающий, как лично Stalin оценивал события, связанные с конфликтом. Во время советско-германских переговоров в Москве в сентябре 1939 года он говорил: “...В августовские дни, приблизительно во время первого визита г-на Риббентропа в Москву, японский посол Того прибежал и попросил перемирия. В то же время японцы на монгольской границе предприняли атаку на советскую территорию силами двухсот самолетов, которая была отбита с огромными потерями для японцев и потерпела неудачу. Вслед за этим Советское правительство, не сообщая ни о чем в газетах, предприняло действия, в ходе которых была окружена группа японских войск, причем было убито почти 25 тыс. человек. Только после этого японцы заключили перемирие с Советским Союзом. Теперь они занимаются тем, что откапывают тела погибших и перевозят их в Японию.

После того как уже вывезли пять тыс. трупов, они поняли, что зарвались, и, кажется, от своего замысла отказались”<sup>22</sup>.

Английский биограф Сталина М. Хайд, ссылаясь на немецкие источники, правда, несколько путая даты, пишет, что Stalin во время переговоров с Риббентропом заявил: “Это единственный язык, который эти азиаты понимают. Ведь я тоже азиат, и я это знаю”<sup>23</sup>.

Stalin явно бравировал, причисляя себя к азиатам. Видимо, он хотел тем самым показать, что обладает осторожностью и его, как азиата, трудно провести. Но это так, к слову, поскольку вопрос о том, считал ли он себя азиатом в действительности, едва ли получит удовлетворительный ответ, поскольку на него вождь уже ответить не сможет. Но что, на мой взгляд, заслуживает упоминания, так это определенное негативное последствие победы в далекой Монголии. Видимо, довольно успешные действия наших войск несколько вскружили голову вождю, и он на какое-то время утратил способность трезво и без преувеличений оценивать истинную боеготовность Красной Армии. Победы, как известно, кружат головы

<sup>20</sup> Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. М. 1974. С. 191.

<sup>21</sup> Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. М. 1974. С. 192.

В примечании я хотел бы сказать пару слов о том, почему я использую первое, прижизненное издание воспоминаний Жукова. Изданное в перестроечные и постперестроечные времена воспоминания Жукова дополнены изъятыми в первом издании пассажами, касающимися критических оценок Сталина и ряда эпизодов, связанных с этим. Я не хочу ставить под сомнение их достоверность, однако, полагаю, что эти дополнения были сознательно ориентированы в строго определенном – антисталинском – направлении. Ими, разумеется, можно пользоваться как источником, не забывая при этом, что в последующих изданиях воспоминаний маршала содержатся его якобы ссылки на публикации, появившиеся после его смерти. Последнее обстоятельство заставляет задумываться: а все ли новые пассажи принадлежат перу именно Жукова? Может быть, мы имеем дело со своего рода новым вариантом демократического Главлита. Естественно, со знаком наоборот.

<sup>22</sup> “Отечественные записки”. Выпуск № 48. 2004 г. С. 5.

<sup>23</sup> H. Montgomery Hyde. Stalin. A History of a Dictator. L. 1971. p. 399.

не только генералам, но и политикам, всегда стремящимся военный успех трансформировать также и в политические дивиденды. А генсек как раз и отличался в этой сфере особым умением и особыми талантами. Видимо, не лишено основания предположение, что халхингольская победа обратилась своего рода бумерангом против нашей армии и верховного лидера государства. Косвенным признаком может служить факт чрезвычайно многочисленных награждений военнослужащих, в том числе обильная раздача высших воинских наград и т. д. Конечно, такая мера преследовала цель повысить роль и авторитет армии, вселить в общество уверенность в силе и мощи армии и тем самым повысить боевой дух самой армии. Задним числом становится очевидным, что, несмотря на всю значимость и важность победы над самураями, эта победа кое-кому вскружила голову и способствовала еще большему шапкозакидательству. А этот порок наносил неоспоримый вред усилению обороноспособности государства.

### 3. Последняя попытка

Отправным пунктом для освещения вопроса об англо-франко-советских переговорах о принятии реальных мер для противодействия набиравшей силу политике агрессии со стороны Германии я бы выбрал следующую принципиальную оценку, данную У. Черчиллем. Он писал: “Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: “Хорошо. Давайте втроем обединимся и сломаем Гитлеру шею”, или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил, Сталин бы понял, и история могла бы пойти по иному пути. Во всяком случае, по худшему пути она пойти не могла. 4 мая я комментировал положение следующим образом: “Самое главное – нельзя терять времени. Прошло уже десять или двенадцать дней с тех пор, как было сделано русское предложение, английский народ, который, пожертвовав достойным, глубоко укоренившимся обычаем, принял теперь принцип воинской повинности, имеет право совместно с Французской Республикой призвать Польшу не ставить препятствий на пути к достижению общей цели. Нужно не только согласиться на полное сотрудничество России, но и включить в союз три Прибалтийских государства – Литву, Латвию и Эстонию. Этим трем государствам с воинственными народами, которые располагают совместно армиями, насчитывающими, вероятно, двадцать дивизий мужественных солдат, абсолютно необходима дружественная Россия, которая дала бы им оружие и оказала другую помощь. Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без активного содействия России. Россия глубоко заинтересована в том, чтобы помешать замыслам Гитлера в Восточной Европе. Пока еще может существовать возможность сплотить все государства и народы от Балтики до Черного моря в единый прочный фронт против нового преступления или вторжения”<sup>24</sup>.

Полагаю, что точка зрения такой авторитетной в данном случае фигуры, как У. Черчилль, заслуживает большего доверия, чем многочисленные писания историков и публицистов нашего времени. Действительно, без всяких оговорок он подчеркнул, что Сталин пошел бы на союз с западными демократическими державами, если бы они проявили сами такую же готовность. Начатые в апреле 1939 года по предложению Англии и Франции переговоры в Москве призваны были

<sup>24</sup> Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга первая. Тома 1–2. С. 165.

выработать условия такого союза для противодействия гитлеровской экспансии. Уже сам факт совместного предложения Англии и Франции о переговорах с Москвой достаточно явно свидетельствовал о том, что настроения общественного мнения в этих странах, а также в других государствах Европы, которые ощущали себя будущими очередными жертвами гитлеровской агрессии, претерпели серьезные изменения. Об этих переменах докладывал в мае 1939 года в Москву полпред СССР во Франции Суриц. Вскрывая подоплеку перемен, которые стали проглядывать в позициях официальных властей западных демократий, он сообщал:

“Положение этих людей, это надо признать, не из легких. В течение ряда лет они лелеяли надежду, что очередными уступками то одному, то другому диктатору удастся отвести от себя угрозу и даже, больше того, освободиться раз навсегда от призрака красной опасности, а сейчас приходится расписаться в банкротстве всех этих расчетов и даже идти на поклон к источнику этой “красной опасности”. Организовать сопротивление без Москвы невозможно. Это сейчас понимает любой обыватель, а заключить союз с СССР боязно. Заключить такой союз – это значит нанести смертельный удар фашизму, с которым связывалось столько надежд, это значит открыто расписаться в могуществе страны, строящей социализм. Одна такая мысль заставляет моршиться Чемберлена и ему подобных господ”<sup>25</sup>.

Конечно, подобные донесения шли со всех сторон, и Сталин счел необходимым использовать наметившиеся изменения в общественных настроениях, чтобы сдвинуть, наконец, с мертвой точки вопрос о реальном противодействии политике агрессивных государств, прежде всего Германии. Его точку зрения озвучил на сессии Верховного Совета СССР В.М. Молотов. Я позволю себе процитировать некоторые из наиболее значимых пассажей из его доклада, сделанного 31 мая 1939 г. Охарактеризовав в общих чертах суть политики как стран, входивших в фашистский блок, так и демократических государств Европы, он заявил: “Позиция Советского Союза в оценке текущих событий международной жизни отличается от позиции той и другой стороны. Она, как каждому понятно, ни в каком случае не может быть заподозрена в каком-либо сочувствии агрессорам. Она чужда также всякому замазыванию действительно ухудшившегося международного положения. Для нас ясно, что попыткам скрыть от общественного мнения действительные изменения, происшедшие в международном положении, необходимо противопоставить факты. Тогда станет очевидным, что “ успокоительные ” речи и статьи нужны только тем, кто не хочет мешать дальнейшему развитию агрессии в надежде направить агрессию, так сказать, по более или менее “приемлемому” направлению”<sup>26</sup>. Тогдаший глава Советского правительства отметил ряд признаков того, что в демократических странах Европы все больше приходят к сознанию провала политики невмешательства, приходят к сознанию необходимости более серьезных поисков мер и путей для создания единого фронта миролюбивых держав против агрессии.

Молотов мотивировал согласие Москвы на ведение переговоров (которые ужешли в Москве) и подчеркнул, что одной из характерных черт последнего периода следует признать стремление неагрессивных европейских держав привлечь СССР к сотрудничеству в деле противодействия агрессии. Понятно, что это стремление заслуживает внимания. Исходя из этого, Советское правительство приняло

<sup>25</sup> Министерство Иностранных дел СССР. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М. 1989. Т. 1. С. 507.

<sup>26</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т.1. С. 523.

предложение Англии и Франции о переговорах, имеющих целью укрепить политические отношения между СССР, Англией и Францией и наладить фронт мира против дальнейшего развития агрессии.<sup>27</sup>

Вместе с тем – и это важно отметить – Молотов заявил, что, ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия.<sup>28</sup> Это был явный намек на то, чтобы западные демократии не возомнили, будто Москва у них в руках и они могут делать все, что им заблагорассудится. Иначе говоря, это был призыв к тому, чтобы Лондон и Париж всерьез отнеслись к тройственным переговорам, поскольку в противном случае у Советской России не останется иного выбора, как улучшить отношения с Германией, чтобы не оказаться в полной изоляции.

Таким образом, видно, что подлинная позиция Сталина не была позицией пассивного участника переговоров, которые фактически топтались на месте. С целью придать импульс переговорам и направить их в русло практических дел, а не пустопорожних высокопарных разглагольствований о необходимости организовать отпор действиям агрессивных государств, под непосредственным руководством Сталина были сформулированы следующие предложения Москвы.

“Советское правительство полагает, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе необходимы, по крайней мере, три условия:

1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии.

2. Гарантирование со стороны этих трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию.

3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантированным государствам, без него (без такого соглашения) пакты взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией”<sup>29</sup>.

Актуальность советских предложений была более чем очевидной. Над Европой все больше сгущались грозовые тучи войны. Тогда еще не было известно, что еще 11 апреля

1939 г. Гитлер утвердил план “Вайс” – директиву о подготовке нападения на Польшу. Этот план предусматривал “уничтожение военной мощи Польши и создание на Востоке обстановки, соответствующей потребностям обороны страны. Вольный город Данциг будет объявлен германской территорией сразу же после начала конфликта...

После начала войны изоляция Польши может быть осуществлена в еще большей степени, если удастся начать военные действия нанесением неожиданных сильных ударов и добиться быстрых успехов...

Задачей германских вооруженных сил является уничтожение польских вооруженных сил. Для этого желательно и необходимо подготовить неожиданное нападение. Тайная или открытая всеобщая мобилизация будет объявлена в возможно более поздний срок, в день, предшествующий нападению”<sup>30</sup>.

<sup>27</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. I. С. 525–526.

<sup>28</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. I. 527.

<sup>29</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. I. С. 459.

<sup>30</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. I. С. 376.

Над Польшей фактически нависла угроза уничтожения ее как суверенного государства. Причем эта угроза носила не какой-то там мифический характер предполагаемого очередного раздела Польши, а была конкретным планом уничтожения польского государства и захвата ее Германией. Но польские правящие круги, ослепленные ненавистью к России и большевистскому режиму (в данном случае между этими двумя понятиями можно провести не просто параллель, но и прямое тождество), решительно и категорически противились принятию условий, в соответствии с которыми войска Советской России получали право вступать на территорию Польши для отражения германской агрессии. Не могли же они вступить в соприкосновение с войсками гитлеровской Германии, минуя польскую территорию, по мифическому воздушному мосту! Но тогдаших правителей Речи Посполитой организация реального противодействия германской угрозе, видимо, мало или почти совсем не беспокоила. Их тревожили совсем иные соображения, и это видно из следующего дипломатического документа, не вызывающего ни капли подозрения в смысле его достоверности.

Приведем текст этого документа, ибо он со всей обнаженностью раскрывает позицию польского правительства.

“Телеграмма временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордта министерству иностранных дел Германии

18 апреля 1939 г.

Советник польского посольства, которого я встретил сегодня на одном из общественных мероприятий, сказал, что как Польша, так и Румыния постоянно отказываются принять любое предложение Советской России об оказании помощи. Германия, сказал советник, может быть уверена в том, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России, будь то военнослужащие сухопутных войск или военно-воздушных сил. Тем самым положен конец всем домыслам, в которых утверждалось о предоставлении аэродромов в качестве базы для военно-воздушных операций Советской России против Германии. То же самое относится и к Румынии... Польша тем самым вновь доказывает, что она является европейским барьером против большевизма”<sup>31</sup>.

Приведем еще один документ. Польский посол в Вашингтоне имел беседу с видным американским дипломатом и политическим деятелем У. Буллитом в ноябре 1938 года и доносил в Варшаву: Буллит полагает, что “для полного вооружения демократическим странам абсолютно необходимо еще два года. В этот промежуток времени Германия, как можно предположить, приступит к дальнейшему осуществлению своей экспансии в восточном направлении. Желанием демократических государств было бы, чтобы там, на Востоке, дело дошло до военного конфликта Германского рейха и России. Поскольку потенциал Советского Союза до сих пор еще неизвестен, может случиться так, что Германия слишком удалится от своей базы и окажется обреченной на затяжную и ослабляющую ее войну. Только тогда, по мнению Буллита, демократические государства атаковали бы Германию и заставили ее капитулировать”<sup>32</sup>.

В свете приведенных выше документов какими-то бледными и весьма сомнительными выглядят рассуждения некоторых российских публицистов наших дней о том, что Польша якобы неизменно стремилась к проведению политики “равновесия” между двумя своими могущественными соседями. Заявляют при

<sup>31</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 389–390.

<sup>32</sup> Иоахим фон Риббентроп. Мемуары нацистского дипломата. С. 310.

этом, что самым лаконичным выражением такого курса был девиз “Ни на шаг ближе к Берлину, чем к Москве”. Мол, этот девиз стал своего рода непреложным принципом польской внешней политики, действовавшим вплоть до 1939 года. Утверждается далее, будто Сталин исходил из посылки, что Польша поддастся наажиму Гитлера и раньше или позже будет вынуждена пойти на сотрудничество против СССР.<sup>33</sup>

В свете дальнейшего развития событий подобная аргументация не выдерживает серьезной критики. Польские правители не могли не видеть (даже закрывая глаза на все), что гитлеровская Германия стремится отнюдь не к тому, чтобы привлечь Польшу на свою сторону в качестве возможного союзника в противостоянии с СССР. Ее целью было одно – завоевание Польши, а отнюдь не превращение ее в своего союзника. Стародавняя неприязнь по отношению к России высступала в качестве движущей силы польской внешней политики. Другой ее важной составляющей была ставка на западные демократии, которые, мол, обеспечивают своими гарантиями безопасность страны от угроз как с Запада (Германия), так и с Востока (Советская Россия). Но польские высоковельможные паны обманулись в своих надеждах, а скорее сказать, в наивных иллюзиях. Если Москва видела в существовании независимой Польши, которая проводила бы, если не дружественную, то, по крайней мере, не враждебную линию в отношении СССР, серьезную преграду для нападения гитлеровской Германии непосредственно на Советский Союз (Польша была как бы защитным буфером), то фашистская Германия рассматривала Польшу и как объект добычи, и как удобный плацдарм для агрессии против Советской России.

Ко всему этому надо добавить, что Сталин не видел и не мог не видеть в Польше потенциального, а тем более ценного союзника на случай войны с Гитлером. Здесь нельзя не согласиться с точкой зрения Я. Грея, который в своей книге о Сталине писал: “...Первая забота Сталина в это время состояла в обеспечении безопасности границ России. Направление германского наступления было ясным – через северную Балтику и с учетом польской податливости в отношении Германии – центральный путь в Россию был открыт... Сталин отдавал себе отчет в том, что накопившаяся за столетия враждебность поляков по отношению к России делает их наиболее опасными соседями”<sup>34</sup>.

Элементарный анализ, основанный на имевшихся тогда в распоряжении польских руководителей объективных фактах, казалось, мог бы подтолкнуть Warsaw к принятию верного решения. Однако ненависть к России застилала им глаза. Надежды же на союзников также были довольно проблематичными, чему должен был послужить урок с Чехословакией. Но, как говорится, они получили то, к чему сами подталкивали свою страну. И задним числом с помощью любых аргументов невозможно оправдать политический курс польского руководства, которое в какой-то степени само обрекло страну на ее печальную участь.

Что же касается западных демократий, то они, ведя переговоры с Советским Союзом, фактически вели лишь большую игру. Здесь мне хочется привести точку зрения российского историка А.С. Якушевского, которая вполне мне импонирует, поскольку отражает реальные факты, а не новейшие фальсификации и тенденциозные интерпретации событий тех лет.

Вот что он писал: “В противоположность Советскому Союзу правительства

<sup>33</sup> “Независимая газета”. 24 января 2005 г.

<sup>34</sup> Ian Grey. Stalin. Man of History. Abacus. Great Britain. 1982. p.298.

Англии и Франции на переговорах в Москве действовали неискренне, вели двойную игру. Ни Лондон, ни Париж не хотели установления равноправных союзнических отношений с СССР, так как полагали, что это приведет к усилению социалистического государства. Их враждебность к нему осталась прежней. Согласие на переговоры было лишь тактическим шагом, но не отвечало сути политики западных держав. От увещевания и поощрения фашистской Германии уступками они перешли к ее запугиванию, стремясь заставить Германию пойти на соглашение с западными державами. Поэтому на переговорах с СССР Англия и Франция предлагали такие варианты соглашений, которые бы лишь поставили Советский Союз под удар, а их обязательствами по отношению к СССР не связывали. В то же время они старались обеспечить себе его поддержку на тот случай, если Германия вопреки их желаниям двинется сначала не на восток, а на запад. Все это свидетельствовало о стремлении Англии и Франции поставить Советский Союз в неравное, унизительное положение, об их нежелании заключить с СССР договор, который бы отвечал принципам взаимности и равенства обязательств. Привал переговоров был предопределен позицией, занятой правительствами западных стран. “Британское правительство, – говорилось в утвержденной на заседании комитета имперской обороны Англии 2 августа 1939 г. инструкции для делегации на переговорах, – не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками”, “вести переговоры весьма медленно”, “соблюдать осторожность”, “не вести переговоры по вопросу обороны Прибалтийских государств...”. Фактически это была рекомендация не на заключение военного соглашения с Советским Союзом, а на его срыв, к чему она и привела. Министр иностранных дел Англии Э. Галифакс, зная об отсутствии полномочий на заключение каких-либо важных соглашений у главы британской делегации адмирала Р. Дракса, со скрытым удовлетворением говорил своим коллегам по кабинету: “Военные переговоры будут тянуться бесконечно, тем самым мы выиграем время и наилучшим образом выйдем из трудного положения, в которое мы попали”<sup>35</sup>.

В конечном счете, абсолютно прав английский историк Р. Дж. Оври, когда в своем исследовании о происхождении второй мировой войны писал: “глубокая неприязнь и недоверие к коммунизму определяли действия западных держав”<sup>36</sup>.

Не вдаваясь в излишние детали, следует подчеркнуть, что как состав представителей Англии и Франции (главами обеих делегаций были фигуры второстепенного плана, к тому же не облеченные необходимыми для подписания столь важного соглашения полномочиями), так и ход самих переговоров со всей очевидностью обнажили их бесплодность и, даже можно сказать, бесполезность. Полезными они оказались лишь в том плане, что еще раз убедили Сталина в полном отсутствии желания западных демократий принять реальные меры для обуздания усилившихся агрессивных аппетитов германского фюрера. Их позиция, если ее определять лапидарно, состояла в том, что все реальные обязательства должен был брать на себя Советский Союз, в то время как Англия и Франция, по существу, не только оставляли себе свободу действий, но и хотели находиться в

<sup>35</sup> Страницы истории советского общества. Люди, факты, проблемы. Сборник статей. М. 1989. С. 259.

<sup>36</sup> Ovrey R. J. The Origins of the Second World War. London – New-York. 1987. p. 71.

положении, когда они могли бы диктовать Советской России линию ее поведения в случае возникновения военного конфликта.

По поручению Сталина советская делегация была сформирована на уровне, вполне соответствовавшем важности обсуждавшихся проблем. Ее возглавлял нарком обороны К. Ворошилов, в нее входили высшие компетентные военные деятели Красной Армии. Москва выдвинула конкретные предложения, в которых были прописаны все детали возможных действий с ее стороны в случае начала гитлеровской агрессии. СССР предложил ряд вариантов развертывания советских вооруженных сил на западных границах в случае угрозы нападения на Польшу. Численно: 70% от выделенных союзниками сил, в частности, 56 пехотных дивизий, 6 кавалерийских дивизий, 85000–90000 средних и тяжелых орудий, 3300 танков, 3000 самолетов, а всего более 2 млн. человек.<sup>37</sup>

Однако, как уже должно быть ясно из приведенного выше материала, каких-либо реальных шансов на успех переговоров вообще не было, ибо они, еще не начавшись, были запрограммированы Лондоном и Парижем на неизбежный провал. Такова была ситуация, в которой оказалась Москва в то время. И это видно не только с высоты дистанции сегодняшнего дня. Сталину реальное положение дел в полной мере было ясно уже тогда.

По его инициативе советская сторона предприняла ряд публичных шагов, чтобы ознакомить мировую общественность с обозначившимся тупиком в переговорах. Таким способом преследовались две взаимосвязанные цели: с одной стороны, предупредить общественность западных демократий и побудить ее к каким-либо действиям, способным повлиять на позицию правительства Англии и Франции; с другой стороны, показать перед всем миром, кто действительно ведет серьезные переговоры, а кто всего лишь ведет игру в переговоры.

Выступивший по поручению генсека в печати 29 июня 1939 г. влиятельный в то время член Политбюро А.А. Жданов заявил: “Англо-франко-советские переговоры о заключении эффективного пакта взаимопомощи против агрессии – зашли в тупик. Несмотря на предельную ясность позиции Советского правительства, несмотря на все усилия Советского правительства, направленные на скорейшее заключение пакта взаимопомощи, в ходе переговоров незаметно сколько-нибудь существенного прогресса. В современной международной обстановке этот факт не может не иметь серьезного значения. Он окрыляет надежды агрессоров и всех врагов мира на возможность срыва соглашения демократических государств против агрессии, он толкает агрессоров на дальнейшее развязывание агрессии...”

Мне кажется, что англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре, для того чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами”<sup>38</sup>.

Российский историк В.А. Анфилов в одной из своих статей, касаясь рассматриваемого здесь аспекта проблемы, привел следующие интересные факты и аргументы. Когда английский посол в Москве Сидс “вручил Молотову памятную записку своего правительства, в которой предлагалось, чтобы “советское правительство обязалось в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств оказать немедленное содей-

<sup>37</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 170.

<sup>38</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т.2. С. 71–73.

ствие, если оно будет желательным". Выслушав от Молотова требование Англии об односторонних обязательствах СССР, Stalin рекомендовал ему запросить советы полпредов, которые лучше могут оценить суть этих предложений на месте. Телеграммы наркома Майскому и Сурицу гласят: "Как вы видите, англичане и французы требуют от нас односторонней и деловой помощи, не боясь оказывать нам эквивалентную помощь... Прошу Вас срочно дать оценку предложениям англичан и телеграфировать совет, какой ответ должен быть дан нашим правительством". (Кстати, этот пример показывает, что в крайне острых ситуациях Stalin все же прибегал к советам опытных специалистов.) Из ответа Майского: "Мне уже не раз приходилось указывать на то, что "душа души" Чемберлена в области внешней политики сводится к словору с агрессорами за счет третьих стран". Аналогичный по смыслу ответ дал Суриц, заключив, что "они автоматически втягивают нас в войну с Германией"<sup>39</sup>.

Непредубежденный человек после всех приведенных фактов (а они составляют лишь малую толику из существующих) вправе сделать вывод о том, что именно западные демократии, фактически продолжая мюнхенский курс, сорвали великое дело создания блока государств, способных остановить гитлеровскую агрессию и развязывание широкомасштабной войны. Но вопреки всему, российские исследователи вполне определенной ориентации всю ответственность за провал трехсторонних переговоров целиком и полностью возлагают на Stalina и на проводившийся им внешнеполитический курс.

Вот, например, мнение на этот счет В.И. Дашичева: "Stalin поставил Англию, Францию и другие страны Европы на одну доску с фашистской Германией, не делая разницы между террористической агрессивной диктатурой Гитлера и западными буржуазными демократиями, между агрессором и его возможными жертвами. Это был уже знаменательный разворот в его политике. Во-вторых, он поставил крест на принципах коллективной безопасности, дав понять, что его политике не по пути с политикой Англии и Франции. Тем самым он ставил Советский Союз в положение изоляции от международных сил, которые были способны совместно с ним оказать сопротивление фашизму"<sup>40</sup>.

Примерно в той же плоскости умозрительных гипотез, за которыми стоят не факты, а благие, но совершенно нереализуемые в условиях того времени варианты действий Советской России, выдержаны и утверждения таких ярых антисталинистов, как Мерцаловы, на книгу которых я уже выше ссылался. Они, став в позу защитников исторической правды и упрекая других, кто расходится с ними в игнорировании многих фактов или в их одностороннем истолковании, заявляют: "Никем не доказано, что возможности переговоров СССР с Англией, Францией были исчерпаны, что без согласия польского правительства пропустить войска РККА через территорию Польши военная конвенция СССР с этими государствами была исключена. Иными словами: мог ли СССР заключить военную конвенцию, пренебрегая этим отказом. Именно это и предлагала западная сторона на московских переговорах. Полностью ли использовали советские представители возможность опираться на явное расхождение позиций Англии и Франции?"<sup>41</sup>

Если следовать логике этих историков, то нужно было продолжать бесплодные переговоры с Англией и Францией и соглашаться на их условия привлече-

<sup>39</sup> "Независимая газета". 24 декабря 1999 г.

<sup>40</sup> История и сталинизм. Сборник статей. С. 232.

<sup>41</sup> А. Мерцалов, Л. Мерцалова. Сталинизм и война. С. 224.

ния Советского Союза к отпору нависшей агрессии. В конце концов, о гипотетических возможностях той или иной линии поведения в сложившихся условиях можно рассуждать сколько угодно. Однако эти авторы, как говорится, почему-то в упор не видят и не хотят видеть то, что было тогда реальностью, а не игрой воображения Сталина. Вся их аргументация не стоит серьезной критики, если вспомнить приведенную мною в начале раздела оценку позиции западных демократий, данную, пожалуй, самым авторитетным в этом вопросе экспертом — и государственным деятелем, и исследователем той эпохи У. Черчиллем.

Что же касается того, будто Stalin ставил на одну доску демократические государства Запада и фашистскую Германию, то это — явная подтасовка. Именно в докладе в марте 1939 года, а также многократно ранее он подчеркивал существование двух лагерей, двух международных реальностей — блока фашистских государств и неагрессивных демократических стран. Беда здесь не в близорукости Сталина — он не страдал такой опасной для политика болезнью, — а в том, что эти самые демократические страны своими уступками Hitlerу, а также своим стремлением направить острие его агрессивных устремлений на Восток, не говоря уже о почти зоологической ненависти к большевистскому режиму, — всем этим они фактически не оставили Stalinу реального выбора. А он не мог допустить, чтобы страна оказалась между молотом и наковальней и, таким образом, подвергла себя смертельной опасности. В этих условиях Stalin был вынужден внести определенные корректизы во внешнеполитический курс страны.

Некоторые связывают внесение таких корректизов с отставкой M. Литвинова с поста наркома иностранных дел с возложением его обязанностей на B.M. Молотова. В исторической литературе с давних пор бытует мнение, что эта отставка знаменовала собой коренной поворот Stalin'a в сторону сближения с Германией. Mол, Lитвинов являл собой образец последовательного сторонника создания системы коллективной безопасности и ярого англофила и противника Германии. Многими исследователями уже вполне убедительно развеян этот гуляющий до сих пор миф. Коснусь лишь некоторых его аспектов. Во-первых, отнюдь не Lитвинов определял содержание и направления советской внешней политики, не говоря уже о всей внешнеполитической стратегии Москвы. Это относилось к исключительным прерогативам самого Stalin'a, и никого иного. В том числе и Mолотова, занимавшего пост главы правительства. К тому же, смена фигуры в советском руководстве при единовластии Stalin'a ни в коей мере не может быть каким-либо образом привязана к смене политического курса.

Как писал по этому поводу B. Анфилов, “Некоторые склонны считать отставку Lитвинова следствием якобы изменения внешнеполитического курса с ориентацией на Германию. Полагаю, что более достоверна версия, исходящая от Mайского: Stalin был недоволен мягкотелостью Lитвинова в ведении переговоров. “Лондон и Париж стремятся поставить нас в положение внешнеполитической изоляции, а Lитвинов этого не хочет замечать. Они его водят за нос, а он не замечает их коварных замыслов”, — таков был вывод вождя. Он считал, что больший авторитет и напористость Mолотова ускорят этот процесс. “Проволочка, — заметил Черчилль, — оказалась для Lитвинова роковой”. Что же касается курса внешней политики СССР, то он оставался неизменным — борьба за мир и коллективную безопасность. Как при Lитвинове, так и при Mолотове его определял Stalin, в стратегии изменений он не претерпевал, тактика же менялась в зависимости от обстановки”<sup>42</sup>.

<sup>42</sup> “Независимая газета”. 24 декабря 1999 г.

Чтобы завершить этот многомерный и достаточно сложный раздел, хочу еще под одним углом зрения коснуться наличия так называемых альтернатив, которыми якобы располагал Сталин перед внесением определенных корректировок во внешнеполитический курс Советской России в преддверии второй мировой войны. Позволю себе привести полный перечень таких, с позволения сказать, альтернатив, которые сформулировал цитировавшийся выше Семиряга. Вот его рассуждения:

“В каком же направлении могло пойти развитие событий, если бы советское руководство отказалось подписать договор с Германией?

Первый путь. Советский Союз отвергает предложение Германии как неприемлемое или затягивает переговоры с ней. Одновременно терпеливо, но упорно, с готовностью к компромиссу он добивается заключения военного соглашения с Англией и Францией.

Второй путь. Если будет отсутствовать готовность Англии и Франции, а также Польши пойти на необходимый компромисс, Советскому Союзу можно было бы заключить договор с Германией, но включить в него статью, которая давала бы право его аннулировать, если Германия начнет агрессивную войну против третьих стран. Одновременно Советскому Союзу необходимо было продолжать осуществлять давление на западных партнеров по переговорам с тем, чтобы добиться от них более гибкой линии поведения.

Третий путь. Не заключать договор ни с Германией (по политическим и моральным соображениям), но при этом поддерживая с ней нормальные экономические отношения, ни с Англией и Францией, если они будут настаивать на совершенно неприемлемых для Советского Союза условиях. Это означало, что Советский Союз сохранял бы подлинный нейтральный статус, выигрывая максимально возможное время для лучшей подготовки к будущей неизбежной войне. Время работало на Советский Союз, а не на Германию.

Конечно, рассчитывать на подобные альтернативные решения можно было только в случае уверенности в том, что Германия при отсутствии договора с СССР не нападет на Польшу.

Таким образом, по нашему убеждению, альтернатива договору была”<sup>43</sup>.

Как видим, целый пасьянс альтернатив – выбирай что душе угодно!

Однако, если анализировать все эти мнимые альтернативы, то первое, что о них можно сказать, – они являются плодом умозрительных построений, далеких от жестоких реальностей тогдашней мировой обстановки. Согласно рекомендациям их автора, Москва имела целый набор эффективных средств укрепления мира и противодействия агрессии, но в силу злосчастной близорукости или в корне ошибочной линии, продиктованной пресловутым тоталитарным мышлением, Сталин предпочел пойти на заключение пакта с Гитлером вместо того, чтобы с упорством маньяка уламывать западные демократии, добиваясь от них заведомо нереального согласия на противодействие германской агрессии. Но политика – это не карточный пасьянс, где произвольно можно раскладывать и выбирать нужные карты. Она имеет дело с суровыми реальностями. А реальности были таковы, какими я попытался их обрисовать в настоящем разделе. Возможно, моя аргументация кому-то покажется однобокой и прямолинейной, но – это уже дело вкуса.

Вполне лаконично и вместе с тем исчерпывающе ясно мировую ситуацию в этот период охарактеризовал российский историк М. Мельтюхов. Нельзя не со-

<sup>43</sup> М.И. Семиряга. Тайны сталинской дипломатии. С. 57.

гласиться с ним, когда он пишет, что в 1939 г. Европа оказалась расколотой на три военно-политических лагеря: англо-французский, германо-итальянский и советский, каждый из которых стремился к достижению собственных целей, что не могло не привести к войне. Понятно, что каждая великая держава рассчитывала на благоприятное для себя развитие событий. Англия и Франция стремились направить германскую экспансию на Восток, что должно было привести к неизбежному столкновению Германии с СССР, их взаимному ослаблению и упрочило бы положение Лондона и Парижа на мировой арене. Естественно, Москве вовсе не улыбалась роль “жертвенного агнца”, и советское руководство сделало все, чтобы отвести угрозу втягивания в возможную европейскую войну, которая должна была ослабить Германию, Англию и Францию, что, в свою очередь, позволило бы СССР занять позицию своеобразного арбитра, от которого зависит исход войны, и максимально расширить свое влияние на континенте. Со своей стороны, Германия, прекрасно понимая невозможность одновременного столкновения с коалицией великих держав, рассчитывала на локальную операцию против Польши, что улучшило бы ее стратегическое положение для дальнейшей борьбы за гегемонию в Европе с Англией, Францией и СССР. Италия стремилась получить новые уступки от Англии и Франции в результате их конфликта с Германией, но сама не торопилась воевать. США была нужна война в Европе, чтобы исключить возможность англо-германского союза, окончательно занять место Англии в мире и ослабить СССР, что позволило бы стать основной мировой силой. Япония, пользуясь занятостью остальных великих держав в Европе, намеревалась закончить на своих условиях войну в Китае, добиться от США согласия на усиление японского влияния на Дальнем Востоке и при благоприятных условиях поучаствовать в войне против СССР. Так, в результате действий всех основных участников предвоенный политический кризис перерос в войну, развязанную Германией.<sup>44</sup>

Разумеется, не со всеми положениями, высказанными М. Мельтиуховым, можно безоговорочно согласиться. Но картина сложной, чрезвычайно противоречивой ситуации, сложившейся в 1939 году, нарисована достаточно объективно. В столь противоречивом взаимодействии и взаимовлиянии сил, имевших сталкивающиеся интересы, для Сталина, безусловно, оставалось поле для политических маневров и всякого рода комбинаций. Однако выбор носил весьма ограниченный характер, поскольку две другие основные силы относились к Советской России явно недружелюбно, а точнее, враждебно. Те, кто бросает упреки в адрес Сталина и его внешнеполитической стратегии, видимо, страдают однобоким политическим зреием, упрощают реальное положение дел и явно недооценивают как коварство сил агрессии, так и двуличие линии западных демократий, говоривших одно, а делавших другое. В конечном счете, коренные изъяны их расчетов на умиротворение Гитлера и на то, что он обрушит свой первый удар на Советскую Россию, оказались рассеянными суровыми ветрами предвоенной бури.

В качестве своеобразного заключительного аккорда сошлись на точку зрения биографа Сталина А. Улама в отношении политики Сталина в эти критические месяцы. Конечно, главный, политический акцент в этой оценке, на мой взгляд, тенденциозен и отражает господствующие в западной историографии концепции относительно пакта между Германией и Советской Россией. Однако все

<sup>44</sup> См. М.И. Мельтиухов. Упущеный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу 1939–1941 гг. М. 2002. С. 75.

остальное, и прежде всего дань, которую он отдает Сталину как стратегу и тактику, заслуживает внимания. А. Улам пишет: “Шаги Сталина в промежутке между Мюнхеном и советско-германским пактом являются собой классический образец того, как искусная (и, конечно, беспринципная) дипломатия может изменить ход мировой истории. Некоторые из предпосылок, на которых базировалась эта политика, оказались ошибочными. Но что касается самой техники обведения вокруг пальцев противостоящих сторон, умения создавать и использовать возможности, то она должна быть оценена как мастерская”. И далее: “Сталин играл умно. В большой игре, касавшейся судьбы мира, невероятно, чтобы кто-нибудь другой мог бы заслужить столь высоких оценок со стороны Талейрана или Бисмарка”<sup>45</sup>.

Таковы в самых общих чертах некоторые существенные моменты, проливающие свет на практическое осуществление Сталиным своей внешнеполитической концепции. В этой концепции в тот период на первый план выдвинулась задача выиграть время. Все остальное было производным от выполнения этой жизненно важной для Советской России цели. В истории многих стран встречались такие моменты, когда фактор времени определял будущее страны. Для Советской России таким моментом явились 1939–1941 годы. Именно этот фактор явился решающим аргументом, который толкнул Сталина на заключение пакта с гитлеровской Германией. Разумеется, имелись и другие сопутствующие соображения, в силу которых состоялось это соглашение. Но главное – фактор времени. Если мы хоть на минуту выпустим из поля зрения указанное обстоятельство, то неизбежно будем обречены на однобокую трактовку данного исторического события, на повторение тривиальных оценок, которые на протяжении многих лет вдаливаются в общественное сознание.

Подчеркивая решающее значение выигрыша времени в geopolитической стратегии Сталина, я тем самым не пытаюсь преуменьшить значение и место других факторов, формировавших позицию Москвы по актуальным проблемам того исторического периода. Единственно верный подход – это комплексный подход, в котором в должной мере учитываются как долгосрочные, так и краткосрочные цели сталинского курса.

#### **4. “Пакт Риббентропа – Молотова”: успех или просчет Сталина?**

Прежде всего следует выделить заключение пакта с Германией как одно из самых важных событий в политической биографии Сталина. Предпосылки к заключению пакта, жесткий и порой принимавший драматические формы процесс двусторонних советско-германских переговоров, цели, преследовавшиеся обеими сторонами при принятии решения о подписании пакта, наконец, роль самого Сталина в окончательном вердикте по вопросу – заключать с Гитлером такой пакт или нет – и многое другое заслуживают самого серьезного анализа. С самого начала хочу оговориться, что не претендую на какие-то новые открытия при освещении этой темы. По ней имеется целый Монблан публикаций самого различного направления и профиля, и сказать здесь что-либо оригинальное практически невозможно. Однако, сославшись на это, нельзя уклониться от довольно детального рассмотрения наиболее важных аспектов, связанных с этим, наверное, самым знаменитым в истории пактом о ненападении. Нельзя потому, что без

<sup>45</sup> Adam B. Ulam. Stalin. The man and his era. N. Y. 1973. p. 499, 505.

этого многое останется неясным в политической биографии вождя. Нельзя еще и по той причине, что вокруг этого вопроса нагромождено столько фальсификаций, прямых вымыслов, тенденциозных интерпретаций, не говоря уже о прямых извращениях фактов. Все это, в конечном счете, преследовало и преследует цель опорочить не только фигуру Сталина как руководителя Советского Союза, но и нашу страну.

Думается, что требуется одна существенная оговорка, без которой моя позиция как автора может быть неверно истолкована. При освещении вопроса о пакте я не становлюсь на точку зрения, будто все действия и мотивы Сталина были правильны и полностью обоснованы. Что им не было допущено сколько-нибудь серьезных ошибок в сфере взаимоотношений с гитлеровской Германией. Утверждать это — значило бы закрывать глаза на многие факты довольно серьезных просчетов и стратегических промахов вождя, связанных с развитием советско-германских отношений в 1939—1941 годы. Тем более, что они оказались самым драматическим образом в начальный период Великой Отечественной войны. Главный вопрос здесь заключается в том, чтобы правильно, в соответствии с реально существовавшей тогда ситуацией, выносить оценки и делать выводы, соблюдая при этом чувство исторической меры и ответственности.

Что касается трактовки пакта в исторической литературе и в средствах массовой информации в нашей стране, то в разное время, в зависимости от политической конъюнктуры, он трактовался по-разному. Причем диапазон вариаций самой трактовки был более чем велик. В сталинские времена он, естественно, преподносился крайне односторонне — только как единственно правильный, “мудрый” внешнеполитический шаг Советского правительства в сложившейся тогда обстановке. Затем, после XX съезда КПСС и с началом хрущевской оттепели, советские авторы стали высказывать и другие, порой диаметрально противоположные мнения о договоре. Его уже перестали считать “мудрым” и “единственно правильным”. В годы перестройки и последовавшего за ней всеобщего разгула вседозволенности во всех сферах, в том числе и в научной, стали издаваться исследования, лавиной хлынули поток публикаций в исторических, популярных литературных и иных журналах, в газетах, в электронных средствах массовой информации на тему о пакте Риббентропа — Молотова. Причем характер и направленность всех этих материалов приобрели однозначно критический, негативный характер. Договор изображался только как зловещий акт, причинивший нашей стране и всему миру непоправимый вред. При этом Stalin представлялся не только как пособник гитлеровской агрессии, но и чуть ли не в роли невольного организатора мировой войны. Ясно, что авторы подобных публикаций исходили из политических конъюнктурных соображений, а не из той реальности, которая была при его заключении. Надо ли говорить о том, что они руководствовались соображениями, вырванными из контекста времени.

Что касается западных исследований, то здесь четко обнаруживаются два главных направления. Одни пытались и пытаются объективно разобраться во всей совокупности чрезвычайно сложных событий того времени и, не упрощая картину, дать такую оценку пакту, которая бы отражала не заранее заданные параметры выводов и обобщений, а давала честный и объективный ответ на вопрос, что побудило Сталина пойти на этот шаг и насколько он был продиктован беспристрастным анализом сложившейся ситуации, а не только стремлением Сталина найти себе союзника в лице Гитлера для продвижения в жизнь своих внешнеполитических целей.

Другие, следуя проторенными путями пресловутой советологии, безоговорочно осуждают данный шаг Сталина, относят его к откровенным попыткам нанести удар в спину западным демократиям. Иными словами, они всеми способами стремятся доказать, что Сталин и его политика играли роль локомотива, движавшего Европу ко второй мировой войне. При этом вне поля их внимания остаются предвоенные шаги западной дипломатии, своими близорукими действиями фактически открывшими зеленый светофор для гитлеровской агрессии. Конечно, предвоенная политика западных демократий не берется ими под безоговорочную защиту, ибо это было бы прямым беспределом в историческом исследовании прошлого. Высказываются поэтому отдельные критические замечания и в адрес западной политики того времени. Однако все это делается как бы мимоходом, безальной и крайне важной для уяснения смысла происходившего тогда критической оценки.

Образчиком, скажем так, противоречивой и вместе с тем достаточно тенденциозной оценки причин, приведших мир к войне, могут служить суждения такого крупного дипломата и политика, а также исследователя советской истории, каким был Дж. Кеннан. В своей книге, посвященной истории Советской России при Ленине и Сталине, он писал: “Мы имели возможность наблюдать за большими ошибками, которые были сделаны со стороны Запада в годы, приведшие к 1937 году: союзническая политика требования безоговорочной капитуляции (имеется в виду Германия – Н.К.) в первой мировой войне, пренебрежительное обращение с Веймарской республикой и отсутствие в Лондоне и Париже воли и желания противостоять Гитлеру позволили последнему безнаказанно занять Рейнскую область. Мы видели воздействие всего этого на возможность создания антигитлеровской коалиции, разочарование, которое эта слабость породила в тех людях в Москве, кто, подобно Литвинову, искренне желал того, чтобы такая коалиция воплотилась в жизнь. Но мы видели также, что немногие в сталинской России были способны стать партнером в такой коалиции и насколько больным человеком был Сталин, как он боялся воздействия на его собственный режим такого сотрудничества с Западом ... и как все это в совокупности, воздействовало самым противоречивым образом на его (Сталина – Н.К.) качества как союзника и способность России противостоять гитлеровской мощи. Если не упустить из виду все эти факторы, можно убедиться в том, что к 1937 году все компоненты столь огромной трагедии, все осложнения грядущей драмы были налицо. Западные демократические государства умудрились противопоставить себя в одно и то же время двум мощным противникам – один находился в Берлине, другой в Москве”<sup>46</sup>.

Я уже не раз отмечал сложность и противоречивость международной обстановки той поры. В ней хорошо разобраться и выбрать верные ориентиры было не так-то просто. Даже Троцкий, претендовавший на то, что является блестящим прогнозистом развития мировых событий в широкой исторической перспективе, в статье “Загадка СССР”, написанной в 1939 году, публично признал, что характерная черта нынешней мировой обстановки состоит в том, что никто не верит слову другого и даже своему собственному слову. Любой договор предполагает минимум взаимного доверия, тем более – военный союз. Между тем условия англо-советских переговоров слишком ясно показывают, что такого доверия нет. Это вовсе не вопрос абстрактной морали; просто нынешнее объективное положение мировых держав, которым стало слишком тесно рядом друг с другом

<sup>46</sup> George F. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston–Toronto. 1961. P. 314.

на земном шаре, исключает возможность последовательной политики, которую можно предвидеть заранее и на которую можно опираться. Каждое правительство пытается застраховать себя, по крайней мере, на два случая. Отсюда ужасающая двойственность мировой политики, фальшь и конвульсивность. Чем неотвратимее и трагичнее вырисовывается общий прогноз – человечество идет с закрытыми глазами к новой катастрофе, – тем труднее становятся частные прогнозы: что сделает Англия или Германия завтра? На чьей стороне будет Польша? Какую позицию займет Москва?<sup>47</sup>

В обстановке взаимного недоверия, которая пронизывала отношения Советской России с западными демократиями, делать ставку на них Москва не только не могла, но и не имела на это никакого права, поскольку таким путем она, вне всякого сомнения, ставила под угрозу коренные национально-государственные интересы страны. А Сталин как раз иставил во главу угла именно эти интересы и искал наиболее оптимальные пути их обеспечения. О доверии к заверениям западных держав речи уже не могло идти, поскольку своей практической политикой они воочию доказали, что интересы других стран, в том числе и тех, с кем они намеревались заключить союз для борьбы против Гитлера, для них безразличны. А Сталин хорошо умел усваивать уроки, в том числе и уроки недавнего прошлого. И тянуть дальше волынку с тройственными переговорами означало загонять себя в тупик, лишать всякой возможности проводить самостоятельную, продиктованную собственными заботами и интересами политику. Так что, кратко говоря, не Москва отвернулась от западных демократий, а они сами заставили Сталина сделать надлежащие выводы из их линии поведения и всей их стратегии по отношению к Советской России. В этом контексте весьма откровенным для тех времен явилось заявление главы советской делегации на тройственных переговорах К. Ворошилова: “Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий”<sup>48</sup>.

Гитлер самым внимательным образом следил за ходом трехсторонних переговоров. Его, конечно, серьезно беспокоила перспектива достижения договоренности между СССР, Англией и Францией, которая могла стать непреодолимым препятствием на пути реализации его агрессивных планов. Кстати, эти планы нашли емкое выражение в песенке, которую вскоре распевали во всем третьем рейхе: “Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра весь мир”. Однако, хорошо усвоив уроки Мюнхена, фашистский фюрер полагал, что вся затея организовать единый фронт борьбы против него с участием в нем, наряду с Англией и Францией, Советской России – не более чем большая игра, обреченная на неотвратимое банкротство. Червячки сомнений, конечно, у него все же оставались, поэтому он решил совершить крутой поворот в своих отношениях с Советским Союзом. Он отдавал себе отчет в том, что ситуация в связи с бесплодностью англо-франко-советских переговоров открывает перед ним уникальную возможность сделать Москве такие предложения, которые она согласится принять, учитывая реально сложившуюся ситуацию. Идя на такой шаг, фюрер, конечно, исходил из того, что своего рода примирение с большевистским режимом – всего лишь так-

<sup>47</sup> См. “Бюллетень оппозиции”. 1939 г. № 79–80. (Электронная версия.)

<sup>48</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т.2 С. 332.

тический шаг, не отменяющий главных целей и постулатов его политики, о которых он заявлял как в своей книге “Майн кампф”, так и в многочисленных выступлениях перед германскими генералами и промышленными заправилами. Когда летом 1939 года начались активные с немецкой стороны зондажи возможной советской реакции на заключение пакта между двумя странами, поверенный в делах СССР в Берлине напомнил беседовавшему с ним высокопоставленному германскому чиновнику о захватнических намерениях в отношении Советской России, содержащихся в указанной книге Гитлера. Тот ответил ему: “Фюрер не отличается упрямством, но прекрасно учитывает все изменения в мировой обстановке. Книга была написана 16 лет тому назад в совершенно других условиях. Сейчас фюрер думает иначе. Главный враг сейчас – Англия. В частности, совершенно новая ситуация в Восточной Европе создалась в результате краха германо-польской дружбы. Эта “дружба”, и ранее бывшая крайне непопулярной в народе, рассыпалась в течение буквально суток. От Данцига мы не откажемся – это можно усмотреть хотя бы из “Майн кампф”<sup>49</sup>.

Однако в Москве едва ли принимали за чистую монету такого рода уверения, ибо Сталин прекрасно понимал сущность фашизма вообще и гитлеровского нацизма в первую очередь. Как пишет английский биограф параллельной биографии Сталина и Гитлера А. Буллок, “Чтобы иметь представление о ситуации, Сталин приказал Двинскому, помощнику Поскребышева, найти для него материал о Гитлере и нацистском движении. Кроме книг “История германского фашизма” Конрада Гейдена, переведенной на русский язык в 1935 году, и “Германия вооружается” Дороти Вудман, а также донесений разведки о численности вооруженных сил Германии, Сталин просмотрел “Майн кампф” и подчеркнул те места, в которых Гитлер говорит о его давней цели обеспечить будущее Германии путем завоевания “жизненного пространства” на востоке на территории России. Не ясно было только, что имел в виду Гитлер под выражением “давней”<sup>50</sup>.

Мнение Сталина о фашизме вообще и о Гитлере и его долгосрочных целях, в частности, не могло измениться в результате каких бы то ни было заверений с германской стороны, которые они делали в ходе сначала зондажа позиции Сталина, а затем и в ходе предварительного согласования проектов документов, которые предстояло подписать. Причем надо отметить, что Сталин выступал в данном случае не в роли моралиста или большевика, одержимого идеей мировой революции. На повестке дня стоял вопрос не о продвижении вперед справедливого дела мирового пролетариата, а об обеспечении безопасности страны. И, естественно, в данном случае не стоял и не мог стоять вопрос о том, чему отдать приоритет. Особенно важно подчеркнуть, что все это происходило как раз на фоне развертывавшегося в степях Монголии военного конфликта с Японией. Халхин-Гол, видимо, не выходил из головы вождя, и он понимал, что перспектива войны на два фронта – с Германией на Западе и с Японией на Востоке – это фактор, который нужно было учитывать во всех возможных вариантах развития событий. Видимо, данное обстоятельство явилось не последним аргументом, перевесившим сомнения Сталина в пользу того, чтобы пойти на улучшение отношений с Германией. Да и с точки зрения международных норм заключение пакта с Берлином не представляло собой чего-то сверхординарного. Между двумя странами

<sup>49</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т.2. С. 137.

<sup>50</sup> Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Жизнь и власть. М. 1994. Т. 2. С.234.

действовал договор о ненападении и нейтралитете от 1926 года, и ничего удивительного в том, чтобы он был подкреплен новыми соглашениями. Правда, прежний договор был заключен с правительством Веймарской республики, но был признан также и новым режимом.

Между тем события приобретали новую динамику – Гитлер не желал отказываться от утвержденного им плана нападения на Польшу, а сроки уже приближались: вторжение планировалось на конец августа. При этом фюрер полагал, что по примеру Мюнхена он не встретит серьезного отпора со стороны западных демократий. Главная его забота состояла в том, чтобы Советская Россия не встала на пути реализации гитлеровских планов, ибо в Москве прекрасно понимали, что приближение границ агрессора к советской территории создает для страны большую угрозу. Чем дальше находились исходные позиции для начала войны против Советского Союза, тем было лучше и по военно-стратегическим, и по иным соображениям.

Так что озабоченность у Сталина нарастала, поскольку через различные каналы он в это время получал информацию, согласно которой Гитлер не откажется от своих планов вторжения в Польшу вне зависимости от хода переговоров в Москве между Англией, Францией и Советским Союзом. Еще 17 мая 1939 г. начальник Разведупра РККА комдив И.И. Проскуров направил ему полученное по агентурным каналам спецсообщение о ближайших планах Гитлера в отношении Польши.<sup>51</sup>

В начале июля в советское полпредство в Берлине поступило анонимное письмо, в котором предлагалось, чтобы правительства Германии и СССР заключили соглашение о судьбе Польши и Литвы. Германская сторона, говорилось в письме, исходила при этом из предпосылки, что оба правительства питают естественное желание восстановить свои границы 1914 года. Stalin был немедленно проинформирован об этом, ибо было совершенно очевидно, что письмо такого характера могло исходить только от министерства иностранных дел Германии. Мнимая тонкость этого шага объяснялась тем, что зондаж со стороны Германии, будучи анонимным, давал немцам определенные гарантии на случай, если Stalin отклонит германское предложение. Вместе с тем таким путем германское министерство иностранных дел могло рассчитывать на реакцию со стороны Москвы. Существенным стимулом, на который рассчитывал Берлин, склоняя Сталина к принятию предложения о коренном повороте в двусторонних отношениях, была серьезная заинтересованность Советской России в развитии торгово-экономических связей с Германией. Stalin постоянно держал в поле своего внимания данную проблему, поскольку придавал поставкам промышленного оборудования и военных материалов из Германии первостепенное значение. Уже во время зондажей, проводимых немцами, им было недвусмысленно дано понять, что все возможные советско-германские договоренности находятся в прямой зависимости от согласия Германии на советские требования о поставках. Германская сторона вняла этим пожеланиям Москвы. В беседе 15 мая 1939 г. с советским поверенным в делах Г. Астаховым ответственный сотрудник МИД Германии Ю. Шнурре уверял в отсутствии у Германии каких бы то ни было агрессивных стремлений в отношении СССР и спрашивал, что нужно для того, чтобы рассеять наше недоверие. “Я отвечаю, – докладывал Астахов, – что от германского правительства зависит создание другой атмосферы в отношениях, мы же никогда

<sup>51</sup> См. “Известия ЦК КПСС”. 1990 г. № 3. С. 216–219.

не уклоняемся от возможности улучшения, если другая сторона обнаруживает подобную готовность... Шнурре снова настойчиво повторяет, что Германия не имеет никаких агрессивных намерений в отношении СССР и хочет их отношения улучшить”<sup>52</sup>.

Для ведения торга об условиях достижения соглашения, в том числе и по экономическим вопросам, Сталин действовал “тяжелую артиллерию”: германского посла графа фон Шуленбурга принял Молотов. Вот отчет о беседе, которую он провел с послом Германии. “Экономические переговоры с Германией за последнее время начинались не раз, но ни к чему не приводили. Я сказал дальше, что у нас создается впечатление, что германское правительство вместо деловых экономических переговоров ведет своего рода игру; что для такой игры следовало поискать в качестве партнера другую страну, а не правительство СССР. СССР в игре такого рода участвовать не собирается.

Посол заверял меня, что речь не идет об игре, что у германского правительства определенные желания урегулировать экономические отношения с СССР...

На это я ответил, что мы пришли к выводу, что для такого успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база. Без такой политической базы, как показал опыт переговоров с Германией, нельзя разрешить экономических вопросов. На это посол снова и снова отвечал повторением того, что Германия серьезно относится к этим переговорам, что политическая атмосфера между Германией и СССР значительно улучшилась за последний год, что у Германии нет желания нападать на СССР, что советско-германский договор действует и в Германии нет желающих его денонсировать. На вопрос Шуленбурга о том, что следует понимать под политической базой, я ответил, что об этом надо подумать и нам, и германскому правительству. Опыт показал, что сами по себе экономические переговоры между СССР и Германией ни к чему не привели, что указанное послем улучшение политической атмосферы между Германией и СССР, видимо, недостаточно”. В заключение Молотов отметил, что “во время всей этой беседы видно было, что для посла сделанное мною заявление было большой неожиданностью”<sup>53</sup>.

Еще ранее Астахов имел беседу со статс-секретарем МИД Германии Вайцзекером, который приводил все новые и новые аргументы в пользу улучшения отношений с Советской Россией. При этом он специально подчеркнул, что “в нашей лавке (Вайцзеккер пустил в ход сравнение, ранее высказанное Гитлером) много товаров. Одного товара мы не можем Вам предложить — мы не можем обещать, что будем симпатизировать коммунизму. Но и от Вас не ждем никаких симпатий национал-социализму, таким образом, по этой линии мы имеем полную взаимность”. Но, помимо этого товара, имеется ряд других — развитие торговли, дальнейшая нормализация отношений и т. п., — и от СССР зависит сделать выбор”<sup>54</sup>.

Как видим, не только Германия, но и Советский Союз проявляли стремление улучшить свои отношения, что вполне пока еще укладывалось в рамки общепринятой международной практики. Пока еще не ясно было всем, в том числе и самому Сталину, до каких пределов дойдет это улучшение и какую цену за него придется платить обеим сторонам. Важно оттенить одно обстоятельство, касаю-

<sup>52</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т.1. С. 465.

<sup>53</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т.1. С. 482–483.

<sup>54</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т.1. С. 520.

щееся переговоров: советская сторона не торопилась и всячески затягивала окончательный ответ на приглашение министра иностранных дел Риббентропа в Москву.

В историографии вопроса о заключении пакта превалирует точка зрения, что обе стороны стремились к достижению соглашения. В принципе, отрицать это было бы смешно, поскольку факты, в том числе и приведенные выше, однозначно свидетельствуют в пользу такого вывода. Однако надо со всей определенностью подчеркнуть, что инициатором сближения с Советской Россией была Германия по причинам, о которых уже говорилось выше. Stalin, конечно, не шел на поводу у Гитлера и не выступал в роли своего рода овечки для заклания. Он проводил свою определенную линию, рассчитывая в максимальной степени использовать заинтересованность Германии в скорейшем достижении соглашения. Именно этим диктовалась его тактика затягивания, призванная как можно лучше выявить позицию Германии, а заодно и продемонстрировать немцам, что Москва может выжидать, что ее ничего не вынуждает торопиться. Как говорится, поспешишь — людей насмешишь. Кроме того, такой тактикой Stalin хотел добиться от немецкой стороны максимально возможных уступок, в том числе и по вопросам, которые подлежали решению в секретном дополнительном протоколе. Не говоря уже об экономических условиях, в которых Москва была особенно заинтересована.

А Гитлер торопил своих дипломатов с тем, чтобы успеть ко времени начала польской кампании урегулировать все основные проблемы с Москвой. События развивались стремительно и динамично. 15 августа 1939 г. Шулленбург представил Молотову памятную записку, формулирующую основные положения, на базе которых мыслилось достичь договоренности со Сталиным. Вот главные пункты этой записи:

1. Противоречия между мировоззрением национал-социалистской Германии и мировоззрением СССР были в прошедшие годы единственной причиной того, что Германия и СССР стояли на противоположных и враждующих друг с другом позициях. Из развития последнего времени, по-видимому, явствует, что различные мировоззрения не исключают разумных отношений между этими двумя государствами и возможности восстановления доброго взаимного сотрудничества. Таким образом, периоду внешнеполитических противоречий мог бы быть навсегда положен конец и могла бы освободиться дорога к новому будущему обеих стран.

2. Реальных противоречий в интересах Германии и Советского Союза не существует. Жизненные пространства Германии и СССР соприкасаются, но в смысле своих естественных потребностей они друг с другом не конкурируют. Вследствие этого с самого начала отсутствует всякий повод для агрессивных тенденций одного государства против другого. Германия не имеет никаких агрессивных намерений против СССР. Германское правительство стоит на точке зрения, что между Балтийским и Черным морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен, к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, Прибалтийских государств, Польши, Юго-востока и т. п. Помимо того, политическое сотрудничество обеих стран может быть только полезным. То же самое относится к германскому и советскому народным хозяйствам, во всех направлениях друг друга дополняющих.

3. Не подлежит никакому сомнению, что германо-советская политика стоит в данный момент на историческом поворотном пункте. Политические решения, которые должны быть приняты в ближайшее время в Берлине и Моск-

ве, будут иметь решающее значение для развития отношений между германским народом и народами СССР в течение поколений. От этих решений будет зависеть, придется ли однажды обоим народам без принудительной на то причины опять скрестить свое оружие, или же они вновь достигнут дружественных отношений. В прошлом обе страны всегда жили хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами...

5. На основании своего опыта германское правительство и правительство СССР должны считаться с тем, что капиталистические западные демократии являются непримиримыми врагами как национал-социалистской Германии, так и Советского Союза. В настоящее время они вновь пытаются, путем заключения военного союза, втравить Советский Союз в войну с Германией. В 1914 г. эта политика имела для России худые последствия. Интересы обеих стран требуют, чтобы было избегнуто навсегда взаимное растерзание Германии и СССР в угоду западным демократиям.<sup>55</sup>

Как говорится, с германской стороны ход был сделан, и Сталин должен был сделать ответный ход. То, что он в целом должен был быть положительным, вовсе не означало, что все вопросы решены и остается только подписать соответствующие документы и ошеломить весь мир этим, приведшим всех в изумление шагом. Предстоял еще серьезный торг, и говорить о вступлении контактов в финальную стадию было еще рано. Гитлер видел и чувствовал, что у Сталина остаются какие-то сомнения и колебания. Об этом свидетельствует следующий любопытный момент: один из доверенных чиновников МИД Германии показал на Нюрнбергском процессе, что, когда он прибыл в Берхгоф (резиденция Гитлера — Н.К.), он застал фюрера и Риббентропа у телетайпа, разбирающих выскозывающую из него ленту с посланием Шулленбурга. Этот чиновник вспоминал, что, прочитав донесение, Гитлер радостно воздел руки к небу и начал хохотать. Остаток ночи он провел без сна, слоняясь по дому в ожидании полного отчета посла. На рассвете выяснилось, что глава советской торговой миссии, выполняя указания Москвы, поздним субботним вечером позвонил Шулленбурге и поставил вопрос о немедленном подписании торгового договора в два часа ночи 20 августа. Но назначенная ранее дата приезда в Москву Риббентропа и подписания договора осталась неизменной (27 августа). Эта дата (о чем Сталин, судя по всему, был осведомлен) абсолютно не укладывалась в гитлеровские планы: 26 августа немецкие войска должны были начать оккупацию Польши. Лишь в семь часов утра, когда фюрер в изнеможении рухнул в постель, пришел подробный отчет Шулленбурга. Единственно, чем мог Шулленбург объяснить столь внезапную перемену настроения русских, так это предположением, что в игру вмешался лично Сталин: причины же последнего послу остались неведомы.<sup>56</sup>

Тогда Гитлер решается лично обратиться к Сталину с посланием, чтобы ускорить процесс, который мог затянуться, и, таким образом, нарушить четко спланированную по срокам операцию против Польши. Конечно, он шел на определенный риск, не будучи уверенными полностью в положительном ответе Сталина. Но в данном случае он поставил на карту весь свой вес и авторитет, чтобы таким путем "уломать" слишком упрямого и неуступчивого советского лидера.

Вот текст его послания. Я приведу его целиком, чтобы у читателя осталось

<sup>55</sup> См. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 232–233.

<sup>56</sup> См. Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Жизнь и власть. Т. 2. С. 236.

цельное впечатление о всех тонкостях дипломатической партии, разыгравшейся между Берлином и Москвой.

“21 августа 1939 г.

Господину И.В. Сталину  
Москва

1. Я искренне приветствую заключение германо-советского торгового соглашения, являющегося первым шагом на пути изменения германо-советских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок. Германия, таким образом, возвращается к политической линии, которая в течение столетий была полезна обоим государствам. Поэтому германское правительство в таком случае исполнено решимости сделать все выводы из такой коренной перемены.

3. Я принимаю предложенный Председателем Совета Народных Комиссаров и народным комиссаром СССР господином Молотовым проект пакта о ненападении, но считаю необходимым выяснить связанные с ним вопросы скрежещим путем.

4. Дополнительный протокол, желаемый правительством СССР, по моему убеждению, может быть, по существу, выяснен в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично. Иначе германское правительство не представляет себе, каким образом этот дополнительный протокол может быть выяснен и составлен в короткий срок.

5. Напряжение между Германией и Польшей сделалось нестерпимым. Польское поведение по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться со дня на день. Германия, во всяком случае, исполнена решимости отныне всеми средствами ограждать свои интересы против этих притязаний.

6. Я считаю, что при наличии намерения обоих государств вступить в новые отношения друг к другу является целесообразным не терять времени. Поэтому я вторично предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Министр иностранных дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол. Более продолжительное пребывание министра иностранных дел в Москве, чем один день или максимально два дня, невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить от Вас скорый ответ.

Адольф Гитлер<sup>57</sup>.

Гитлер с нетерпением ждал в своей резиденции в Альпах сообщений от немецкого посла. В ожидании письма Сталина Гитлер ни о чем не поставил в известность своих приближенных. Присутствовавший при этом руководитель германской военной промышленности Шпеер вспоминал, что когда Гитлер прочитал текст, “он на мгновение застыл, вперившись в пространство, побагровел и грохнул кулаком по столу так, что задребезжали стаканы, и воскликнул прерывающимся голосом: “Они у меня в руках! Они у меня в руках!”<sup>58</sup>

Ответ, с нетерпением ожидавшийся фюрером, последовал в тот же самый день. Stalin направил рейхсканцлеру Германии следующее лаконичное, но вполне исчерпывающее послание:

<sup>57</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т.2 С. 302.

<sup>58</sup> Алан Буллок. Stalin и Гитлер. Жизнь и власть. Т. 2. С. 237.

“Рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру

Благодарю за письмо (имеется в виду приведенное выше письмо Гитлера – Н.К.)

Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Соглашение германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа.

И. Сталин”<sup>59</sup>.

Итак, крупная политическая игра подошла с своему кульминационному пункту. Оставалось лишь договориться по конкретным вопросам и подписать соответствующие документы. Риббентроп на личном самолете фюрера прибыл в Москву, где его на аэродроме встречала группа чиновников наркомата иностранных дел во главе с заместителем наркома Потемкиным. Вскоре он направился на переговоры в Кремль, которые с советской стороны вел Сталин с участием Молотова. Разумеется – и об этом свидетельствуют соответствующие документы в виде воспоминаний принимавших в переговорах с немецкой стороны лиц, – тон всему содержанию и направлению переговорного процесса определял Сталин.

Здесь мимоходом стоит упомянуть об одной детали, несомненно, представляющей интерес. После возвращения Риббентропа в Берлин Гитлера заинтересовали фотографии, запечатлевшие это историческое событие. Он настоял, чтобы сопровождал Риббентропа его личный фотограф Хоффман, и перед их отъездом напутствовал, чтобы Хоффман снял крупным планом мочки ушей Сталина. Он считал, что по ним может определить, есть ли в советском лидере еврейская кровь (“если они прижаты к черепу – тогда точно еврей, а если нет – то ариец”). Гитлер облегченно вздохнул, обнаружив, что Сталин успешно прошел тест и не является евреем.<sup>60</sup>

Может быть, оценки деятелями фашистского рейха фигуры Сталина и покажутся кому-то неуместными и даже кощунственными, поскольку в них превалирует положительная тональность. Но в интересах истины, а также всестороннего и объективного подхода, мне думается, что этих оценок не стоит избегать. Ведь, в конце концов, отнюдь немаловажно, как оценивали вождя его политические и идеологические противники, а то и смертельные враги – такие, как Гитлер, Риббентроп и другие. Риббентроп писал: “Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом и великолушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, – человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде”<sup>61</sup>.

<sup>59</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т.2 С. 303.

<sup>60</sup> См. Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Жизнь и власть. Т. 2. С. 241.

<sup>61</sup> Иоахим фон Риббентроп. Мемуары нацистского дипломата. С. 190.

Довольно любопытное свидетельство оставил Молотов. Во время своего визита в Берлин в ноябре 1940 года (о чем будет идти речь в дальнейшем) он услышал из уст Гитлера следующие слова: "Когда мы прощались, он меня провожал до самой передней, к вешалке, вышел из своей комнаты. Говорит мне, когда я одевался: "Я уверен, что история навеки запомнит Сталина!" – "Я в этом не сомневаюсь", – ответил я ему. "Но я надеюсь, что она запомнит и меня", – сказал Гитлер. "Я и в этом не сомневаюсь".

Чувствовалось, что он не только побаивается нашей державы, но и испытывает страх перед личностью Сталина"<sup>62</sup>.

Но вернемся к самим переговорам. Учитывая исключительную заинтересованность Гитлера в заключении пакта о ненападении, каких-либо значительных трудностей и непреодолимых препятствий в переговорном процессе не обнаружилось. Быстро был решен вопрос о подписании пакта о ненападении, проект которого был представлен советской стороной. Гитлер уже согласился на проект договора, составленный в Москве. Но по инициативе Сталина был добавлен постскрипту, согласно которому он имеет силу только при условии, что одновременно будет подписан специальный протокол, охватывающий все интересующие вопросы.

Сам договор состоял из 7 статей и подлежал ратификации обеими сторонами. Учитывая важность самой темы, представляется целесообразным привести здесь полный текст договора, а также секретного дополнения к нему. Впоследствии секретное дополнение было в части, касающейся Литвы, пересмотрено по просьбе Москвы.

Текст договора гласил:

"Правительство СССР и  
Правительство Германии,

руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

**Статья I**

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

**Статья II**

В случае если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

**Статья III**

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

**Статья IV**

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

**Статья V**

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися

<sup>62</sup> Феликс Чуб. Сто сорок бесед с Молотовым. М. 1991. С. 24.

Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

#### Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет, с тем что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

#### Статья VII

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве 23 августа 1939 года.

По уполномочию  
Правительства СССР

В. Молотов

За Правительство

Германии И. Риббентроп<sup>63</sup>.

Особых дискуссий по содержанию во время переговоров не было, поскольку на предварительной стадии уже были согласованы формулировки статей. Единственное, что вызвало решительное возражение генсека, это была преамбула договора, предложенная немецкой стороной, — цветистая преамбула о советско-германской дружбе. Здесь, как говорится, все пределы здравого смысла оказались нарушенными. Stalin возразил, что шесть лет взаимных оскорблений не могут пройти бесследно, и смешно ожидать, что их народы поверят, что все сразу прощено и забыто. Нужно не спеша готовиться к тому, чтобы общественное мнение в России — и, без сомнения, в Германии тоже — приспособилось к этим переменам.<sup>64</sup>

Но самое главное заключалось не в пакте о ненападении, о чем я уже выше писал. Если бы все и ограничилось этим пактом, то современникам тех дней и будущим историкам, как в нашей стране, так и в других странах, не пришлось бы ломать столько копий вокруг данной проблемы. Ведь, повторяясь, скажу, что сам договор о ненападении не представляет собой какого-либо деликта с точки зрения норм международного права. Легитимность заключения такого договора была бесспорной, хотя многие либерал-демократы в нашей стране ставят это под вопрос. Но замечу, что и Верховный Совет СССР, в годы горбачевской перестройки рассматривавший правомерность заключения договора, пришел к выводу, что по своему содержанию он “не расходился с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований”<sup>65</sup>.

Вся изюминка заключалась в дополнительном протоколе, текст которого я воспроизвожу:

<sup>63</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т.2. С. 319–320.

<sup>64</sup> См. Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Жизнь и власть. Т. 2. С. 239.

<sup>65</sup> О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. См. Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г.) «Правда». 28 декабря. 1989 г.

“Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом [23 августа 1939 г.]

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Висла и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

По уполномочию

Правительства СССР

В. Молотов

За Правительство

Германии И. Риббентроп”<sup>66</sup>.

Примерно через месяц с небольшим был подписан еще один секретный дополнительный протокол – специально по вопросу о разграничении сфер влияния в Литве. Текст этого протокола гласил:

“Нижеподписавшиеся полномочные представители заявили о соглашении правительства германского Рейха и правительства СССР по следующим вопросам:

В Секретный Дополнительный Протокол, подписанный 23 августа 1939 года, следует внести поправку в статью 1, согласно которой территория Литовского государства попадает в сферу влияния СССР, тогда как, с другой стороны, Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства попадают в сферу влияния Германии. Как только правительство СССР для защиты своих интересов примет особые меры на территории Литвы, существующая германо-литовская граница в целях ее естественного и простого пограничного описания должна быть исправлена таким образом, чтобы территория Литвы, расположенная к юго-западу от линии, обозначенной на карте, отошла к Германии.

Далее объявляется, что ныне действующие соглашения между Германией и Литвой не будут затронуты вышеуказанными мероприятиями Советского Союза. Москва, 28 сентября 1939 года”<sup>67</sup>.

<sup>66</sup> Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 321.

<sup>67</sup> Советско-нацистские отношения. 1939–1941. Документы. Париж–Нью-Йорк. 1983. С. 112.

Такова в своих главных чертах фундаментальная фаза поворота в советско-германских отношениях после прихода Гитлера к власти. То, что Сталин в значительной мере ревизовал свои прежние подходы и оценки в отношении Германии, заключив пакт о ненападении, свидетельствуют многие факты. Вот один из них. Беседуя 25 марта 1935 г. с видным деятелем английских правящих кругов А. Иденом, он говорил буквально следующее: “В Европе большое беспокойство вызывает Германия. Она тоже вышла из Лиги наций и, как Вы сообщили т. Литвинову, не обнаруживает желания в нее вернуться. Она тоже открыто, на глазах у всех, разрывает международные договоры. Это опасно. Как мы можем при таких условиях верить подписи Германии под теми или иными международными документами? Вот Вы говорили т. Литвинову, что Германское правительство возражает против Восточного пакта взаимной помощи. Оно соглашается лишь на пакт о ненападении. Но какая гарантия, что Германское правительство, которое так легко рвет свои международные обязательства, станет соблюдать пакт о ненападении? Никакой гарантии нет. Поэтому мы не можем удовлетвориться лишь пактом о ненападении с Германией. Нам для обеспечения мира нужна более реальная гарантия, и такой реальной гарантией является лишь Восточный пакт взаимной помощи. Ведь, в самом деле, в чем заключается существование такого пакта? Вот нас здесь в комнате шесть человек, представьте, что между нами существует пакт взаимной помощи, и представьте, например, что т. Майский захотел бы на кого-нибудь из нас напасть, что получилось бы? Мы все общими силами побили бы т. Майского”<sup>68</sup>.

Конечно, мысль Сталина относилась совершенно к иной международно-политической ситуации, чем сложившаяся к концу 30-х годов. И подобного рода пересмотр прежней точки зрения, соответствовавшей иным реалиям, не может рассматриваться как явление недопустимое, а тем более – политически чуть ли не предательское. Изменилась коренным образом ситуация, и она требовала коренного пересмотра тех или иных политических позиций. Тем более, что Сталин, возможно, лучше других государственных и политических деятелей мира видел не только краткосрочные, но и долговременные последствия мюнхенской политики. Здесь нельзя стоять на почве формализма и упрекать его в том, что изменил свои взгляды. Гораздо хуже и опаснее было бы то, если бы он с упорством маньяка продолжал талдычить о создании блока против гитлеровской агрессии, когда лидеры западных демократий вырыли глубокую могилу для такого блока, тем самым заложив действительные предпосылки для развязывания рук Гитлеру.

Но вернемся, однако, к советско-германским переговорам августа 1939 года. Согласно воспоминаниям лиц, причастных к переговорам с немецкой стороны, одобрение Сталина встретили высказывания Риббентропа о том, что немецкий народ приветствует взаимопонимание с Советским Союзом. Stalin сказал, что охотно верит этому: “Немцы хотят мира и поэтому приветствуют установление дружественных отношений между рейхом и Советским Союзом”. Затем Stalin, как явствует из записи разговора, сделанной А. Хенке, “спонтанно” провозгласил тост в честь Гитлера, сказав при этом: “Зная, как сильно немецкий народ любит своего фюрера, я хотел бы выпить за его здоровье”. “Эта здравица, произведшая сильнейшее впечатление на немецких гостей, – пишет наиболее компетентный в ФРГ специалист по советско-германскому пакту И. Фляйшхауэр, – в действительности, если соразмерить ее с обычным русским и особенно кавказ-

<sup>68</sup> 1941 год. Документы. Книга вторая. М. 1998. С. 520.

ким церемониалом, представляла собой скромный и скромной на слова жест признания по адресу противной стороны. Он не содержал даже видимости выражения личного уважения<sup>69</sup>.

Наконец, в конце этой встречи Сталин в виде напутствия со всей отчетливостью изложил Риббентропу свою действительную оценку пакта и всего связанного с ним, заявив при прощании, что “Советский Союз воспринимает пакт очень серьезно” и что он, Сталин, “может под честное слово заверить, что Советский Союз не обманет своего партнера”. Не было случайным и, видимо, не осталось незамеченным то, что гость не ответил хозяину сопоставимым заверением.<sup>70</sup> Тонкие ноты, звучавшие в высказываниях Сталина, не ускользнули от германского министра иностранных дел. Он увидел в Сталине “человека необычного формата. Его трезвая, почти сухая и тем не менее столь меткая манера выражения, его жесткость и в то же время широта мышления при ведении переговоров показывали, что он не зря носил свое имя”<sup>71</sup>.

Коротко говоря, посланцы фюрера смогли воочию убедиться в том, что имеют дело с серьезным политическим противником, которого чрезвычайно трудно обвести вокруг пальца. В этом контексте следует сказать, что тост Сталина в честь фюрера не стоит возводить в некую афористически выраженную оду германскому фюреру. На этом эпизоде многие акцентируют особое внимание, придавая ему непомерную значимость. Мол, Сталин восхвалял германского фюрера – не только врага Советской России, но и непатентованного мирового злодея. Однако, как мне представляется, это была всего лишь дань этикету, поскольку и немецкая, и советская стороны провозглашали тосты как в честь подписания пакта, так и в честь участников переговоров и лидеров обеих стран. Не стоит путать дипломатический этикет с реальной политикой.

Ведь и Гитлер со своей стороны высказывал похвалы в адрес советского лидера, хотя аксиомой, не подлежащей сомнению, выступала его патологическая ненависть к Советской России и к коммунистам вообще. Не случайно в письме к Муссолини, отправленном фюрером 21 июня 1941 года, он признавался своему верному союзнику и единомышленнику: “С тех пор, как я пришел к этому решению (имеется в виду нападение на СССР – Н.К.), я чувствую себя духовно освобожденным. Союз с СССР, несмотря на абсолютную искренность усилий, направленных на окончательное примирение, часто все же раздражал меня, так как казался противоестественным, идущим вразрез с моим происхождением, моими идеями, и моими прежними обязательствами. Я счастлив сейчас оттого, что освободился от этих душевных терзаний”<sup>72</sup>.

Едва ли подлежит даже малейшему сомнению, что заключение пакта с Москвой диктовалось политико-стратегическими расчетами Гитлера. Поэтому здесь уместно хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать мотивацию действий обеих сторон при подписании пакта.

Для Гитлера пакт был необходим, чтобы обезопасить себя от всяких случайностей ввиду намеченной им польской кампании. Он стремился гарантировать себе свободу действий, не опасаясь, что Москва может в силу причин, не поддающихся точному учету, выступить против его агрессии. Потенциального сопер-

<sup>69</sup> Ингеборг Фляйшхаузер. Пакт. Гитлер, Сталин и инициативы германской дипломатии. 1938–1939. М. 1991. С. 315–316.

<sup>70</sup> Ингеборг Фляйшхаузер. Пакт. Гитлер, Сталин... С. 316.

<sup>71</sup> Там же. С 316.

<sup>72</sup> Советско-нацистские отношения. 1939–1941. Документы. С. 340.

ника и будущего главного врага фюрер таким способом хотел сделать если не союзником, то, по крайней мере, нейтральной силой, от которой не могла исходить угроза его непосредственным планам. Хотя Гитлер и не особенно верил, что западные демократии во имя защиты Польши способны вступить с ним в войну (он слишком понадеялся на повторение мюнхенского варианта), такой возможности он отнюдь не исключал. И в данной военно-политической конфигурации нейтрализация Советской России представлялась ему в качестве абсолютно необходимой предпосылки для реализации его геополитических расчетов, не только непосредственно связанных с польской кампанией, но и с более перспективными планами завоевания "жизненного пространства". А эти планы, как отлично знал Сталин, с предельной откровенностью излагались как в "Майн кампф", так и в ряде публичных выступлений. В "Майн кампф" фюрер писал: "Когда мы говорим о новых территориях в Европе, мы имеем в виду главным образом Россию и зависимые от нее приграничные государства. Сама судьба указывает нам этот путь". В 1936 году он повторил это публично: "Если бы мы имели в нашем распоряжении Урал с его неисчислимыми запасами сырья, леса Сибири, и если бы бескрайние поля Украины лежали в пределах Германии, наша страна утонула бы в изобилии".<sup>73</sup>

Так что, заключая пакт с Гитлером, Сталин знал, с кем в действительности он имеет дело. Западные державы Гитлер не рассматривал в качестве своих смертельных врагов, хотя иставил своей задачей непременно сокрушить Францию и тем самым возвратить долг за капитуляцию в Компьене.\* С Англией Гитлер стремился найти общий язык, нейтрализовав ее посредством дачи гарантий о неприкосновенности Британской империи. Первое ему удалось, второе нет. И простой анализ отвечает на вопрос: почему не удалось? В Лондоне неплохо знали о грандиозных завоевательных планах германского фюрера, но рассчитывали, что здравый смысл и элементарные расчеты убедят его в том, что война против Англии будет сопряжена с непредсказуемыми последствиями, поскольку последняя имела в лице Соединенных Штатов Америки не только потенциального, но и реально-го союзника. А бросить вызов всему миру — на такое не мог решиться даже такой авантюристический политик, как Гитлер.

Помимо военно-стратегических и политических преимуществ, пакт нужен был Гитлеру и по соображениям экономического плана, ибо он рассчитывал получать от Советской России так необходимое ему сырье, продовольствие и другие товары, необходимые рейху для проведения своей стратегии завоевания "жизненного пространства". В этом контексте есть определенный резон в точке зрения Р. Хингли, писавшего в своей книге о Сталине, что Советский Союз скрупулезно выполнял свои обязательства по экономическим соглашениям с Германией, снабжая ее столь необходимыми ей в военное время ресурсами, в том числе энергетическими, сырьевыми, продовольственными и рядом дефицитных. Тогда как Германия взятые обязательства исполняла значительно слабее. Главным

<sup>73</sup> Цит. по Алан Буллок. Сталин и Гитлер. Жизнь и власть. Т. 2. С. 325.

\* В этой связи не только недоумение, но и чувство презрения вызывают высказывания тех, кто довел Францию до катастрофы. Об этом свидетельствует такой факт: посол Майский доносил в НКИД, что узнал, что бывший премьер Франции Лаваль сказал следующее: Американский журналист с горячностью ответил: если Франция еще будет продолжать борьбу, то в конечном счете с помощью Англии и США она восстановит свое положение в мире. Но если Франция сдастся сейчас на милость Германии, она навсегда погибла как великая страна. На это Лаваль возразил: "Вы плохо понимаете, что в настоящее время происходит. Гитлер ничего не имеет против Франции. Гитлер ненавидит большевиков, и он ждет лишь благоприятной обстановки для того, чтобы нанести им смертельный удар. А мы ему в этом поможем". См. 1941 год. Документы. Книга первая. С. 83.

козырем, который дал Сталин в руки Германии, было то, что она смогла перебросить значительную часть своих вооруженных сил на Запад. Вывод автора таков: “Гитлер получил гораздо больше материальных преимуществ от заключения пакта, чем Сталин, и Сталин, видимо, был вполне удовлетворен таким ходом дел”<sup>74</sup>.

В том, что Гитлер получил от пакта больше, чем Сталин, можно еще серьезно усомниться, поскольку автор в качестве критерия берет не всю совокупность фактов, а лишь некоторые из них. Но что определенные дивиденды фюрер имел от этого – вещь неоспоримая, иначе он не пошел бы на заключение договора и приложенных к нему секретных дополнений. Если говорить figurально, то Гитлер выиграл в тактическом плане, а Сталин в стратегическом – и это было гораздо весомее.

В определенной мере такому выводуозвучна и общая оценка пакту, которую дает И. Фляйшхаэр, которая пишет в своей книге о пакте следующее: “Гитлер совершил ошибку, решив мерить Сталина своим собственным аршином. Он соблазнял его новыми территориями и подвижками границ, тогда как Сталин жаждал экономического развития собственной страны и стабильности существующих границ. Сталин добивался политической безопасности, Гитлер же предлагал ему идти на безрассудный риск. В какой мере Сталин осознавал в каждый отдельный момент это фундаментальное несовпадение предпосылок, остается неизвестным. Но в том, что предложения Гитлера имели целью создать опасное предполье, он, несомненно, отдавал себе отчет. Отсюда его сверхосторожность идержанность, его настойчивые намеки на злоказненность германских намерений и его непременное условие, чтобы предложения немецкой стороны давались ему для изучения. И это в разнообразных формах запечатлено в документах обеих сторон”<sup>75</sup>.

В качестве своего рода концовки раздела необходимо отметить, что он держался в строгой тайне. После разгрома Германии в руки западных союзников попал архив германского МИДа, где, в частности, сохранились указанный пакт и секретные дополнения к нему. В 1948 году эти и ряд других документов были переданы огласке в виде специального сборника. Советская сторона категорически отрицала подлинность приведенных документов. В связи с этим по указанию Сталина и, по всей видимости, при прямом его участии, советская сторона выпустила брошюру под названием “Фальсификаторы истории”, где излагалась советская версия развития предвоенных событий, причем акцент был сделан на разоблачении мюнхенской политики западных держав.

На протяжении многих десятилетий в нашей стране отрицалось даже само существование в советских архивах этих документов. Прямой же участник всех событий тех лет даже в неофициальных беседах также отрицал сам факт того, что все это имело место в действительности. Писатель и журналист Ф. Чуев приводит в своей книге следующий примечательный диалог с Молотовым:

“— На Западе упорно пишут о том, что в 1939 году вместе с договором было подписано секретное соглашение...

- Никакого.
- Не было?
- Не было. Нет, абсурдно.

<sup>74</sup> Ronald Hingley. Josef Stalin: Man and Legend. N.Y. 1974. p. 299.

<sup>75</sup> Ингеборг Фляйшхаэр. Пакт. Гитлер, Сталин ... С. 352–353.

– Сейчас уже, наверно, можно об этом говорить.

– Конечно, тут нет никаких секретов. По-моему, нарочно распускают слухи, чтобы как-нибудь, так сказать, подмочить. Нет, нет, по-моему, тут все-таки очень чисто и ничего похожего на такое соглашение не могло быть. Я-то стоял к этому очень близко, фактически занимался этим делом, могу твердо сказать, что это, безусловно, выдумка<sup>76</sup>.

Вот и верь после такого словам всякого рода мемуаристов! К их свидетельствам следует относиться весьма взвешенно и не принимать слепо на веру, чуть ли не в качестве исторического факта, любое их, даже правдоподобное на первый взгляд, признание.

Определенную загадку представляет не то, что советские лидеры, и прежде всего Сталин, всячески старались скрыть существование секретных дополнений к пакту. Здесь, как говорится, было что скрывать. Любопытен другой аспект проблемы: в своих мемуарах бывший британский министр иностранных дел А. Иден пишет, что во время беседы со Сталиным в декабре 1941 года последний защищал необходимость заключения пакта с Германией, однако выражал осуждение в адрес Молотова в связи с заключением этого же самого пакта.<sup>77</sup> Ситуация здесь действительно запутанная, и разобраться не так просто. Мне думается, что Сталин высказывал какие-то критические замечания по поводу того, как Молотов вел переговоры, мол, иногда шел на неоправданные уступки и что-либо другое в этом духе. Но он не ставил и не мог ставить под вопрос правильность заключения самого пакта.

## 5. Пакт 1939 года в исторической ретроспективе

Как оценить заключение пакта с точки зрения внешнеполитической концепции Сталина? Какие конкретные результаты были получены Советской Россией, решившейся на столь радикальный шаг?

Перечислим ряд наиболее фундаментальных выгод, которые не только объясняют необходимость, но, я бы сказал, историческую неизбежность пакта с Германией.

Во-первых, Сталину удалось выиграть время и фактически отсрочить гитлеровскую агрессию почти на два года. Кто рассуждает о том, будто в тот период фюрер и не собирался нападать на Советский Союз, в сущности говоря, исходит из гипотетических предположений, а не из фактов. Никто в тот период не знал, какой разворот могли принять события, если бы Сталин отклонил предложение Германии. Вслед за молниеносным разгромом Польши он (и этого нельзя исключать как якобы фантастическую возможность) мог непосредственно приступить к разработке стратегического плана агрессии против СССР. Потребность в сырьевых ресурсах, нефти, продовольствии, определенных дефицитных товарах и т.д., которые он надеялся получить от России, могла, несомненно, ускорить реализацию агрессивных замыслов в отношении СССР. Тем более, что какое-либо противодействие в данном случае от западных демократий он едва ли встретил бы. Так что выигрыш времени является, на мой взгляд, самым существенным в перечне выгод, на которые рассчитывал советский вождь.

<sup>76</sup> Феликс Чуб. Сто сорок бесед с Молотовым. М. 1991. С. 20.

<sup>77</sup> См. Avon Earl of The Eden Memoirs. Vol. I–III. L. 1960–1965. vol. III. p. 302.

Во-вторых, если бы (представим себе такую возможность) Советской России удалось добиться хотя бы минимума взаимопонимания с западными демократиями и подписать соответствующее соглашение о противодействии гитлеровской агрессии, то Советский Союз после нападения Гитлера на Польшу вынужден был вступить в войну с Германией. А степень готовности Советской России в военном отношении в тот периода была, несомненно, ниже, чем два года спустя. При этом надо взять в расчет то обстоятельство, что Япония могла открыть второй фронт против Советского Союза. Вспомним, что именно в это время как раз и развертывались события в районе Халхин-Гола. Поэтому нельзя исключить как нечто невероятное реальную в тех условиях войну на два фронта, чего так опасался Сталин, и предотвращению превращения такой возможности в действительность он посвящал свое внимание. В свете этого не вызывает удивление и определенное недовольство договором со стороны Токио, поскольку Гитлер заключил его без согласования с Японией. Таким образом, был вбит, хотя и небольшой, но весьма ощутимый клин в Антикоминтерновский пакт. Мне представляется, что данный исторический эпизод в целом негативно сказался на германо-японских отношениях и в силу этого не благоприятствовал консолидации сил агрессии.

Что же касается возможного поведения западных демократий в лице прежде всего Англии и Франции, то на этот счет можно строить только всякого рода гипотезы. По крайней мере, в их интересах было военное противостояние Германии и Советской России, которые, ослабляя друг друга, открывали для западных демократий новые перспективы не только в Европе, но и в мире в целом. Некоторые достаточно объективные западные историки признают, что, заключив 23 августа 1939 г. советско-нацистский пакт о ненападении, Сталин избежал втягивания в войну против Германии. Военная неподготовленность сделала бы войну в 1939 г. более катастрофической для России, чем в 1941 г. У Сталина в 1939 г., конечно, не было желания спасать западные демократии. Он стремился защитить Россию.<sup>78</sup> Подобная мысль прямо или косвенно проглядывает в статьях и книгах тех западных исследователей, которые стараются в своих оценках исходить из реальных фактов, а не идеологических предубеждений. Суммируя, можно сказать: сложность и запутанность всей международной ситуации в то время не позволяют с достаточной долей уверенности предсказать вероятный ход развития мировых событий в случае отказа Сталина от подписания пакта.

В-третьих, подписание пакта способствовало усилению безопасности Советского Союза, поскольку сам пакт и секретные дополнения к нему давали известные гарантии безопасности. Германия обязалась в соответствии с договором воздерживаться в отношении СССР "от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения... как отдельно, так и совместно с другими державами", а также консультироваться с ним при решении вопросов, которые могли затронуть его интересы. Кроме того, рейх соглашался не распространять свою военно-политическую активность на польские территории восточнее оговоренных в протоколе границ и на прибалтийские государства севернее литовско-латвийской границы. А эти районы на западных границах СССР являлись в силу географических и geopolитических соображений естественной зоной безопасности Советской России. Если мыслить широкими geopolитическими категориями, то одной из важных целей Сталина являлись не столько ликвидация и ан-

<sup>78</sup> См. Страницы истории советского общества. Люди, проблемы, факты. С. 269.

нексия ряда восточноевропейских стран, а установление предела распространению германской экспансии на восток. Беда и историческая вина этих восточноевропейских стран (Польши, Латвии и Литвы) состояла в том, что они фактически поддерживали антисоветскую гитлеровскую политику, а это коренным образом нарушало интересы Советской России. Их правители оказались недальновидными, полагая, что антисоветизм послужит им своего рода гарантитным по-лисом от поглощения их Германией. Поэтому, если отбросить эмоции и исходить из голых фактов и руководствоваться исключительно холодным здравым смыслом (как и поступал Сталин), то неотвратимой перспективой для этих стран была аннексия их гитлеровской Германией и продвижение благодаря этому плацдарма для нападения на СССР далеко на Восток. В этом смысле разграничение сфер влияния между Германией и СССР определенно отвечало долгосрочным интересам нашей страны и являло собой, пусть и вызывающий явные осуждения с морально-этической точки зрения, но объективно неизбежный шаг. Было бы политической наивностью, граничащей с идиотизмом, блюя верность нормам международного права, допустить захват этих стран фашистским рейхом. В таком случае, конечно, мы должны были бы торжествовать не столько победу справедливости, сколько победу фашистской экспансии. На эту тему можно много рассуждать, клеймя Сталина за сделку с Гитлером и включение части Польши и прибалтийские страны в сферу влияния СССР, но это, в сущности, позиция скорее моралистов, нежели реалистов. Это – позиция, начисто игнорирующая сложившееся тогда реальное положение дел.

В-четвертых, заключение пакта о ненападении стало весьма ощутимым ударом по идею создания единого антисоветского фронта. Фактически были похоронены надежды апологетов мюнхенской политики объединить Германию, Англию и Францию в реализации проектов, нацеленных своим острием против Советской России. А то, что поборников дальнейшего проведения в жизнь мюнхенского курса было не так уж мало в правящих кругах западных демократий, сомневаться не приходится. Понаобились суровые, даже трагические, исторические уроки, чтобы в западных демократиях осознали всю гибельность политики поощрения гитлеровской агрессии и всю бесперспективность попыток канализировать ее на Восток. И одна из важных исторических заслуг Сталина как раз и состоит в том, что он сумел в столь сложной международной обстановке выбрать пути наиболее эффективной защиты национальных интересов страны.

В-пятых, Сталин исходил из того, что заключение пакта о ненападении несет серьезный разлад в странах – поборниках создания единого фронта борьбы против СССР. То обстоятельство, что империалистические державы вступили в схватку друг с другом, – это, по убеждению генсека, вполне лежало в русле советских интересов. И в данном случае Stalin не вносил ничего нового в свою общую внешнеполитическую концепцию, поскольку он постоянно подчеркивал, что межимпериалистические противоречия (по его терминологии; кому не по душе такая якобы устаревшая терминология, может воспользоваться понятиями иного рода – великие мировые державы и т.п.) играют на руку делу социалистического строительства, ввиду чего, мол, СССР заинтересован в обострении этих противоречий до любой степени накала, вплоть до войны.

Здесь следует сделать критическое замечание по адресу Сталина. Он не учел, что сам характер противоречий между великими державами во многом изменил свою природу и свои имманентные качества. Речь шла уже не столько о межимпериалистических противоречиях (полностью отрицать таковые также было бы

ошибочно), а о противоречиях более широкого геополитического масштаба. Старые клише в новых условиях уже безнадежно устарели, и их использование в практической политике могло только привести к серьезным политическим просчетам. Сталину понадобилось некоторое время, чтобы он понял: вопрос поставлен самой историей очень круто — или победа агрессивного фашизма со всеми вытекающими из этого последствиями, или же объединение антифашистских сил, вне зависимости от их классовой ориентации. Классовые мерки в условиях приближавшейся мировой войны не могли служить хорошим ориентиром для выбора стратегического курса международной политики Советской России. И генсек, разумеется, не отказываясь полностью от этих критерии, отодвинул их не то чтобы на задний план, а просто на то место, которое они играли тогда в реальной жизни. Здесь нет смысла ставить это в особую заслугу вождя. Просто сама жизнь раздвинула горизонты его политической философии, приноровив ее к реальностям эпохи. В чем действительно можно усмотреть его личную заслугу, так это в том, что неотвратимый и закономерный процесс пересмотра и переосмысливания прежних воззрений не растянулся на долгое время. Stalin, бесспорно, обладал уникальной способностью быстро усваивать уроки истории и делать из них необходимые не только и не столько теоретические, сколько практические выводы. Если генсек и не был знаком с мыслью, высказанной римским поэтом Публием Сиром: “плохо то решение, которое нельзя изменить”<sup>79</sup>, то, по меньшей мере на практике, он действовал в согласии с данным девизом. Внешняя политика Сталина в этот период, да и взятая в целом, не страдала догматизмом и непрорабатываемой косностью. Этот факт признают не только те, кто относится к его почитателям, но и многие из тех, кто рьяно разоблачает Сталина за действительные и приписываемые ему ошибки и просчеты. Годы, о которых идет в данном случае речь, а именно два предвоенных года, стали для генсека уникальной школой большой политики. До того времени на мировой сцене он фигурировал эпизодично и не причислялся к политическим деятелям самого высокого уровня.

И, наконец, чтобы поставить точку в освещении значения пакта в международном плане и в плане личной политической карьеры Сталина, необходимо подчеркнуть, что в итоге значительно повысились удельный вес и влияние Советской России в международных делах. Если раньше еще наличествовали определенные основания считать, что Советская Россия находилась в состоянии полуизоляции на мировой политической сцене, то после августа 1939 года об этом уже не могло быть и речи. Советская Россия стала полноправным участником, причем порой с правом решающего голоса, всего международного процесса. Естественно, что это поднимало и престиж Сталина не только в нашей стране, но и за рубежом. Хотя само собой напрашивается необходимое уточнение: его престиж вырос в глазах определенной части общества. Другая его часть, особенно за границей, клеймила Сталина как пособника фашизма и ставила его на одну доску с Гитлером. Но, на мой взгляд, последние глубоко ошибались: они плыли в потоке событий и оказались не в состоянии дать глубокий и объективный анализ происходивших в ту пору событий.

Но легко сделать подобный упрек в адрес этих людей и не вникнуть в мысли и чувства, которые их обуревали тогда. Речь шла не только о чисто политических подходах (хотя и это имело важное значение), но и о факторах морально-этического порядка. В их сознании никак не укладывалась даже сама мысль о возмож-

<sup>79</sup> Великие мысли великих людей. Т. I. М. 1998. С. 392.

ности заключения такой договоренности между фашистской Германией и коммунистическим Советским Союзом. Многие зарубежные друзья СССР, и в первую очередь коммунисты, оказались в состоянии, близком к шоку. Особенно это состояние усугубилось после того, как 28 сентября 1939 г. в Москве был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Это уже выходило за пределы разумного восприятия, поскольку трудно себе было представить, какая "дружба" могла связывать социалистический Советский Союз с фашистской Германией. Многие отвернулись от Советского Союза. Наблюдался массовый выход из коммунистических партий. Коминтерн пытался по своим каналам разъяснить суть соглашения и его вынужденный характер. Однако особого успеха в этом не добился. Кризис мирового коммунистического движения был налицо. Хотя Сталин уже перестал серьезно считаться с Коминтерном, по крайней мере, не допускал и мысли, что какие-то высокие цели мировой революции могут быть поставлены выше интересов Советской России. Пакт 1939 года со всей определенностью продемонстрировал, что генсек интересы нашей страны рассматривал как высший приоритет во всей внешнеполитической стратегии. В этом убеждении он был тверд и непоколебим, поэтому шел на определенные политические и моральные потери, считая, что конечные результаты и будут главным судьей его судьбоносных решений, к которым, бесспорно, относился и пакт с Германией.

Реакцию зарубежных друзей можно было предвидеть, даже не обладая специальной информацией или хорошо развитым политическим чутьем. Видимо, генсек заранее просчитал эту реакцию, но решил, что принимать ее в расчет в качестве важного аргумента при принятии решения не стоит. Что же касается населения собственной страны, то вождь был уверен, что его шаг будет воспринят с пониманием и одобрением. Конечно, мол, будут отдельные недоумения и сомнения, но все это в его глазах играло второстепенную роль. И в своем основном прогнозе он не ошибался. Как сообщал из Москвы 25 августа 1939 г. корреспондент английской газеты "Манчестер гардиан": "Нет никаких доказательств возможного недовольства среди советского населения поворотом советской внешней политики, несмотря на то что в течение многих лет велась пропаганда против фашистских агрессоров"<sup>80</sup>. Думаю, что английский журналист не ошибался в своей оценке. В целом население Советской России, хотя и оказалось в состоянии изумления, но восприняло договор с Германией не только спокойно, но и с верой, что данный шаг Сталина отодвинет угрозу войны. А войны не то что боялись, но страшно не хотели, ибо жило еще поколение людей, испытавших все тяготы первой мировой и Гражданской войн. Хотя по стране чуть ли не в качестве главного девиза звучали слова о готовности к войне. Вскоре появилась и песня, где лейтмотивом были слова: "Если завтра война, если завтра в поход — мы сегодня к походу готовы!"

Конечно, не все советские люди с таким бездумным доверием относились к любым шагам правительства. Были и те, кто в связи подписанием пакта, а затем и договора о дружбе и границе с Германией испытывали сомнения, недоумения и даже растерянность. В какой-то степени о таких настроениях можно судить по словам писателя К. Симонова. Он писал в своих мемуарах, посвященных, в сущности, осмыслианию личности Сталина и его эпохи, следующее: "Что-то тут невозможно было понять чувствами, — отмечал в своих воспоминаниях свидетель событий Константин Симонов. — Может быть, умом — да, а чувствами — нет. Что-

<sup>80</sup> Цит. по Страницы истории советского общества. С.265.

то перевернулось и в окружающем нас мире, и в нас самих. Вроде бы мы стали кем-то не тем, чем были; вроде бы нам надо было продолжать жить с другим самоощущением после этого пакта”<sup>81</sup>.

Действительно, осуществить столь крутой поворот в сознании советского общества мог только такой решительный и опытный политик, как Сталин. Правда, и ему приходилось считаться с тем, что даже после всех прежних крутых поворотов и зигзагов во внутренней политике, страна впервые столкнулась с радикальной переориентацией в сфере внешней политики. Впрочем, как мне представляется, особых затруднений вождь не испытывал, поскольку советская пропаганда на протяжении многих и многих лет воспитывала в народе сознание того, что страна находится на положении осажденной крепости, поэтому можно в любой момент ожидать нападения с любой стороны. В известном смысле после мюнхенского сговора в общественном сознании отнюдь не глубокий водораздел между фашистской Германией и западными демократиями утратил прежнее значение. В конце концов в изображении советской пропаганды и те и другие принадлежали к лагерю империализма и уже в силу данного факта не могли не быть врагами Советской России и большевистского строя. Однако решающим аргументом служило четкое понимание, что заключение пакта отодвигает опасность страны, позволяет продлить мирное состояние и, воспользовавшись этим, упрочить обороноспособность войны. И, разумеется, весьма важным фактором была вера советских людей в Сталина, в то, что он проводит мудрый курс в международных делах. Эта вера, конечно, способствовала более спокойному восприятию подавляющим большинством советского народа крутого зигзага в политике Сталина. И все-таки нельзя не согласиться с Н. Хрущевым, когда он писал: “Если рассматривать войну как некую политическую игру и появлялась возможность в такой игре не подставлять своего лба под вражеские пули, то этот договор с Германией имел оправдание. Я и сейчас так считаю. И все же было очень тяжело. Нам, коммунистам, антифашистам, людям, стоявшим на совершенно противоположных политических позициях, — и вдруг объединить свои усилия с фашистской Германией? Так чувствовали и все наши рядовые граждане... Да и самим нам, руководителям, было трудно понять и переварить это событие, найти оправдание случившемуся для того, чтобы, опираясь на него, разъяснять дело другим людям. Чрезвычайно трудно было, даже при всем понимании ситуации, доказывать другим, что договор выгоден для нас, что мы вынуждены были так поступить, причем с пользой для себя”<sup>82</sup>.

После заключения пакта тон советской пропаганды в отношении Германии был круто изменен: со страниц газет и из передач радио исчезли привычные осуждения гитлеровского фашизма, как и в целом политики Германии. Из заклятых врагов немцы, как по мановению волшебной палочки, превратились, как тогда шутили, в заклятых друзей. Был прекращен показ фильмов антифашистского содержания, постановка пьес, в которых разоблачался фашизм. Надо сказать, что после участия советских добровольцев в войне в Испании, где им приходилось порой напрямую воевать против немцев (авиация), сталинский поворот и в политике, и в пропаганде воспринимался нелегко теми, кому довелось участвовать в испанской кампании. Но общим глубинным сознанием, так сказать своим

<sup>81</sup> Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. “Знамя”. 1988 г. № 3. С. 35.

<sup>82</sup> Н.С. Хрущев. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1. С. 228.

внутренним духом, народ в целом прекрасно сознавал чисто тактический характер сталинского поворота, не верил в реальную возможность сколь-нибудь длительного сотрудничества между Москвой и Берлином. В глубине сознания укоренилась мысль о неизбежной – рано или поздно – войне с фашистской Германией. Так что в морально-психологическом плане издержки, я бы сказал, были относительно скромными, поскольку всей предшествующей политикой и пропагандой основная масса населения была воспитана в духе ненависти к фашизму и не верила всерьез в столь чудесную метаморфозу, способную изменить сущность фашизма. В среде людей, более или менее разбирающихся во всех дипломатических хитросплетениях той поры, бытовала фраза, что пакт – это своего рода брак по расчету, а не по любви.

Едва ли есть необходимость в том, чтобы приводить многочисленные оценки пакта и политики Сталина в этот период западными биографами вождя. Но два диаметрально противоположных высказывания все-таки приведу. Так, Р. Пэйн писал, что “Подобно слепцу Сталин шел от одной беды к другой. Он был так уверен в себе, в своей власти, что говорил и делал не имеющее ничего общего с реальностью... И никто не задавал ему вопросов или предостерегал его или – насколько известно – строил какие-либо серьезные планы его убийства”. И далее: “Он стал цепным псом фашизма. Он боялся и был готов умиротворять их в пределах своей власти”<sup>83</sup>.

Полагаю, что в этой оценке нет и крупицы истины, поэтому с ней нет резона и полемизировать, приводя какие-либо доводы.

Но вот оценка сравнительно объективного биографа Сталина А. Улама. Он писал о Сталине, что его “дипломатический талант безусловен”, но “достаточно парадоксально, что этому величайшему дару Сталина выпало меньше всего признания, даже в его собственной стране и даже в период “культы личности”. Его величие как дипломата намного превосходило его дипломатический опыт; оно основывалось на тщательном взвешивании сильных и слабых сторон (как психологических, так и материальных) партнеров и врагов России, их национальных характеров и идиосинкразии, человеческих страстей и страхов”<sup>84</sup>.

Конечно, не подлежит никакому сомнению, что генсек был главным инициатором и проводником скорректированного в соответствии с изменившимися условиями международного курса Советской России. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в целом этот курс сохранял свою преемственность, если ее рассматривать под углом зрения обеспечения коренных национальных интересов страны. Если же к вопросу подходить чисто формально, базируясь на моментах, которые не определяли глубинную преемственность внешней политики Советского Союза, то можно прийти к выводам, вызывающим серьезные возражения. На мой взгляд, неадекватную и по многим параметрам упрощенную оценку общему внешнеполитическому курсу генсека в этот период давал академик А.Н. Сахаров. Фактически он противопоставлял внешнюю политику Сталина в предвоенный период его политике в военный период, возводя между ними непреодолимую пропасть. В середине прошлого десятилетия А.Н. Сахаров писал: “Как правило, в исследовательских трудах прошлого и во многих современных изданиях советская дипломатия 1939–1941 гг. непосредственно увязывалась с после-

<sup>83</sup> Robert Payne. *The Rise and Fall of Stalin*. L. 1968. p. 541, 563.

<sup>84</sup> Adam B. Ulam. *Stalin. The man and his era*. p. 559.

дующими событиями Отечественной и второй мировой войны в целом, хотя, думается, что такой непосредственной связи не существует. Дипломатия периода действительно народной войны, когда под вопрос было поставлено само существование России как государства, выживания входивших в состав СССР славянских народов, имеет мало общего с теми дипломатическими усилиями, которые предпринимало сталинское руководство в 1939–1941 годах. Между тем патриотическое очарование Отечественной войны, гордость за одержанную в ней Победу, святость жертв зачастую переносятся на предшествующие этой войне дипломатические шаги этого руководства, что вряд ли правомерно. До сих пор считается зазорным заниматься обличениями советского руководства в тон с его западными критиками, поскольку это якобы бросает тень на подвиг народа в войне, выигравшего ее в тяжелейшей борьбе во главе именно с этим руководством. Хотя к науке подобный подход не имеет никакого отношения, как, кстати, и попытки многих западных историков и отечественных публицистов и историков возложить вину за развитие событий лишь на СССР<sup>85</sup>.

Как говорится, нельзя смешивать греховое с праведным. При чем здесь "патриотическое очарование" Великой Отечественной войной? В политике любого государства объективно присутствует историческая преемственность не только в широком контексте, но и применительно к определенным периодам ее осуществления. Она базируется не на личных качествах того или иного лидера, а непосредственно вытекает из наличия коренных национально-государственных интересов страны. Именно они составляют фундамент преемственности. И коренные национально-государственные интересы Советской России как раз и были движущей силой, определявшей курс Сталина на международной арене в два предвоенных года. Здесь можно спорить по поводу правильности или неправильности самого курса, по поводу позитивных и негативных его моментов, но отрывать его от своего фундамента – коренных национально-государственных интересов – ни в коем случае нельзя. Поскольку тогда мы как раз и приходим к противопоставлению, которое выразил почтенный академик. Правда, это было в разгар кампании по развенчанию Сталина, когда считалось чуть ли не признаком истинно научного и объективного подхода навесить на Сталина как можно больше ярлыков, вроде того, который мы встретили в оценке Р. Пэйна.

Едва ли у кого-нибудь вызовет возражение мысль о том, что именно Сталин был основным мотором, приведшем в движение весь процесс пересмотра внешнеполитической тактики Советской России в 1939 году. Этот пересмотр, как, мне кажется, уяснил читатель, был продиктован самим ходом событий и был своего рода ответной реакцией Сталина на изменившиеся коренным образом международные реальности. Здесь встает другой вопрос – сделал ли этот шаг генсек самолично, не считаясь с мнениями своих коллег, или же это был плод коллективного решения? В некотором смысле такая постановка вопроса страдает академизмом, если не формализмом. К тому времени положение Сталина как верховного и неоспоримого вождя было абсолютно незыбленым: не существовало никаких оппозиций его политике, как не существовало больше оппозиции вообще. В партии и стране царило единовластие Сталина, и, безусловно, любое важное решение, а тем более затрагивающее судьбы государства, не могло быть принято без его участия, а тем более вопреки его мнению. Вместе тем, это отнюдь не означало, на мой взгляд, что он ни в чем и ни с кем не советовался и не считался.

<sup>85</sup> "Вопросы истории". 1995 г. № 7. С. 27.

Включая, разумеется, прежде всего членов Политбюро. Как уже отмечалось во втором томе, к тому времени функции Политбюро как высшего партийного конclave, принимавшего все важнейшие решения, претерпели значительную трансформацию. Этот орган стал тем форумом, который в действительности только одобрял принятые генсеком принципиальные решения.

Применительно к пакту с Германией дело обстояло не столь просто, как с рутинными, хотя и важными, решениями. Один Сталин едва ли мог принять единоличное решение по данному вопросу. Хотя после публикации воспоминаний Н. Хрущева в исторической литературе сложилось доминирующее мнение, что и члены ПБ были фактически отстранены от участия в принятии решения. Вот как это выглядит в описании Н. Хрущева: "...У Сталина мы собирались 23 августа к вечеру. Пока готовили к столу наши охотничьи трофеи, Сталин рассказал, что Риббентроп уже улетел в Берлин. Он приехал с проектом договора о ненападении, и мы такой договор подписали. Сталин был в очень хорошем настроении, говорил: вот, мол, завтра англичане и французы узнают об этом и уедут ни с чем. Они в то время еще были в Москве. Сталин правильно оценивал значение этого договора с Германией. Он понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, просто перехитрить. Но полагал, что это мы, СССР, перехитрили Гитлера, подписав договор. Тут же Сталин рассказал, что согласно договору к нам фактически отходят Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия и Финляндия таким образом, что мы сами будем решать с этими государствами вопрос о судьбе их территорий, а гитлеровская Германия при сем как бы не присутствует, это будет сугубо наш вопрос. Относительно Польши Сталин сказал, что Гитлер нападет на нее, захватит и сделает своим протекторатом. Восточная часть Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы стояли за последнее, хотя чувства испытывали смешанные. Сталин это понимал. Он говорил нам: "Тут идет игра, кто кого перехитрит и обманет".

Самого договора с Германией я не видел. Думаю, кроме Молотова, Сталина и некоторых причастных к нему чиновников Наркомата иностранных дел, его у нас никто не видел. Нами в Политбюро происшедшие события рассматривались так: начнется война, в которую Запад втравливал Гитлера против нас один на один. В связи с заключенным договором получалось, что войну начал Гитлер, что было нам выгодно с точки зрения и военной, и политической, и моральной. Такими действиями он вызывал на войну против себя Францию и Англию, выступив против их союзника Польши. Мы же остаемся нейтральными. Считаю, что это положение было тогда для нас наилучшим, раз Англия и Франция хотели направить против нас Германию для столкновения один на один, чтобы им самим потирать руки от удовольствия и откупиться от Гитлера за счет нашей крови, нашей территории и наших богатств. Польша же, проводившая вовсе неразумную политику, и слышать не хотела об объединении наших усилий против Германии, хотя бы и в собственных интересах, и у нас просто не было другого выхода”<sup>86</sup>.

Этот рассказ Н. Хрущева не вызывает сомнений в достоверности изложения событий. Единственное, с чем трудно согласиться, что никто, кроме Сталина, Молотова и причастных к разработке проекта договора чиновников Наркоминдела, был не знаком с условиями пакта. Лично для меня, наиболее вероятной является такая версия: Сталин должен был обсудить условия договора если не со всеми членами ПБ, то по крайней мере с его ведущими членами. В тот период

<sup>86</sup> Н.С. Хрущев. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т.1. С.227–228.

сложилась такая практика, что Политбюро из своего состава формировало комиссии, в частности, по вопросам внешней политики, оборонным проблемам и некоторые другие. Но в отличие от ленинской практики, когда также создавались всякого рода комиссии ПБ, включавшие в себя также и членов ЦК и функционировавшие до окончательного решения вопроса, при Сталине была введена новая практика. Комиссии создавались на постоянной основе и в некотором смысле подменяли собой Политбюро. Кроме того, сложилась система, при которой Сталин выделял наиболее близких в то время к себе членов ПБ и вместе с ними решал наиболее важные вопросы. Так в историю партии при Сталине вошли "пятерки" и "шестерки" — в зависимости от числа включенных в них членов ПБ. В описываемый период в число посвященных в детали переговоров с Германией входили даже не все члены Политбюро, а только его руководящая "пятерка": И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян.<sup>87</sup> Позднее, на XX съезде партии, Хрущев подверг резкой критике такую практику, когда Политбюро фактически подменялось различными комиссиями, решавшими относящиеся к ее компетенции вопросы. "Что за терминология картежника? Ясно, что создание подобных комиссий — "пятерок", "шестерок", "семерок" и "девяток" внутри Политбюро подрывало принцип коллективного руководства. Получалось, что некоторые члены Политбюро отстранялись таким образом от решения важнейших вопросов"<sup>88</sup>.

Конечно, оспорить это утверждение Хрущева нет оснований. Такова была практика, установленная генсеком, кстати сказать, с одобрения тех же самых членов Политбюро, которые голосовали за создание подобных комиссий. Но следует заметить, что при такой практике, когда все решал фактически один человек, формирование подобных комиссий можно расценить и как положительный момент, поскольку решения в узком составе принимались быстрее и оперативнее, они не повисали в воздухе и не становились предметом многочасовых дискуссий и обсуждений. Думается, что и в случае с пактом о ненападении дело обстояло подобным образом. Хотя здравый смысл и элементарная логика подсказывают мне, что, по всей вероятности, о пакте и его условиях были поставлены в известность и все члены Политбюро, находившиеся в Москве. Хрущев же, как известно, работал в Киеве и консультироваться с ним по такому спешному и чрезвычайно секретному вопросу заранее Сталин посчитал излишним. Тем более, трудно даже на минуту вообразить, что Хрущев мог тогда высказать какие-то свои сомнения относительно целесообразности договора с Германией. Иными словами, серьезного предмета для дискуссии по данному аспекту проблемы просто нет. Можно с полной убежденностью говорить о том, что не только лично Сталин, но и все высшее руководство страны высказались за подписание пакта о ненападении. Да и, откровенно говоря, только близорукие, лишенные элементарного стратегического и тактического чутья политики могли выступить против подписания. Тем более, что альтернативы, отвечавшей сложившейся в то время ситуации, никто тогда не мог и предложить. Только задним числом, по истечении многих десятилетий, можно морализовать по поводу данного шага Сталина. Но историческая оценка, хотя и включает в себя моральную сторону вопроса, отнюдь не сводится к ней.

<sup>87</sup> О.В. Хлевнюк. Политбюро. Механизм политической власти в 1930-е годы. М. 1996. С. 239.

<sup>88</sup> Культура и власть. От Сталина до Горбачева. Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М. 2002. С.113–114.

И, наконец, завершая этот затянувшийся раздел, следует остановиться на одной фальшивке, ставшей своего рода фактологической базой многих клеветнических измышлений как в адрес самого Сталина, так и в отношении целей советской внешней политики в год начала второй мировой войны. Речь идет о так называемом выступлении генсека на заседании Политбюро 19 августа 1939 г. Полагаю, что для читателя будет интересным ознакомиться с текстом этого якобы имевшего место выступления, чтобы понять, какого рода доводы и аргументы были в распоряжении фальсификаторов. Вернее, как они фабриковали свои “доводы и аргументы”. Это важно не только в разрезе освещения данного эпизода в политической биографии генсека в целом. Важно и по той причине, что мышиная возня вокруг этого сюжета продолжается до сих пор. Важно еще и потому, что многие выводы и оценки рьяных антисталинистов до сегодняшнего дня обосновываются именно этим выступлением.\*

Итак, якобы на состоявшемся 19 августа заседании Политбюро Сталин выступил со следующей речью.

“Вопрос мира или войны вступает в критическую для нас fazу. Его решение целиком и полностью зависит от позиции, которую займет Советский Союз. Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Великобританией, Германия откажется от Польши и станет искать “модус вивенди” с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР.

Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. Западная Европа будет подвергнута серьезным волнениям и беспорядкам. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну. Именно это отвечает нашим интересам.

Опыт двадцати последних лет показывает, что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени, чтобы большевистская партия смогла бы захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны. Мы сделаем свой выбор, и он ясен. Мы должны принять немецкое предложение и вежливо отослать обратно англо-французскую миссию. Нетрудно распознать выгоду, которую мы извлечем, действуя подобным образом. Для нас очевидно, что Польша будет разгромлена прежде, чем Англия и Франция в состоянии будут прийти ей на помощь. **Первым преимуществом, которое мы извлечем, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию.**

Германия предоставляет нам полную свободу действий в трех Прибалтийских странах и не возражает по поводу возвращения Бессарабии СССР. Она готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию. Остается открытый вопрос, связанный с Югославией.

В то же время мы должны предвидеть последствия, которые будут вытекать как из поражения, так и из победы Германии. В случае ее поражения неизбежно произойдет советизация Германии и будет создано коммунистическое правительство.

\* Замечу, что весь комплекс вопросов, относящихся к истории появления и интерпретации данной речи Сталина, во всех деталях, на базе обширного исторического материала освещен в статье историка С. Случа, опубликованной в журнале “Отечественная история”. 2004 г. № 1. С. 113–139. Я не стану в деталях останавливаться на всех нюансах данной проблемы; те, кто ею заинтересуется специально, могут обратиться к указанной статье.

ство. Мы не должны забывать, что советизированная Германия окажется перед большой опасностью, если эта советизация явится последствием поражения Германии в скоротечной войне. Англия и Франция будут еще достаточно сильны, чтобы захватить Берлин и уничтожить советскую Германию. А мы не будем в состоянии прийти на помощь нашим большевистским товарищам в Германии.

Таким образом, наша задача заключается в том, чтобы Германия смогла вести войну как можно дольше, с целью, чтобы уставшие и до такой степени изнуренные Англия и Франция были бы не в состоянии разгромить советизированную Германию. Придерживаясь позиции нейтралитета и ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь нынешней Германии, снабжая ее сырьем и продовольственными товарами. Но, сама собой разумеется, наша помощь не должна превышать определенных размеров для того, чтобы не подрывать нашу экономику и не ослаблять мощь нашей армии.

В то же самое время мы должны вести активную коммунистическую пропаганду, особенно в англо-французском блоке и преимущественно во Франции. Мы должны быть готовы к тому, что в этой стране в военное время наша партия будет вынуждена отказаться от легальной деятельности и уйти в подполье. Мы знаем, что эта работа потребует многих жертв, но мы должны без колебаний принять на себя эти жертвы. Наши французские товарищи не будут сомневаться. Их задачами в первую очередь будут разложение и деморализация армии и полиции. Если эта подготовительная работа будет выполнена в надлежащей форме, безопасность советской Германии будет обеспечена, а это будет способствовать советизации Франции. Для реализации этих планов необходимо, чтобы война продлилась как можно дольше, и именно в эту сторону должны быть направлены все силы, которыми мы располагаем в Западной Европе и на Балканах.

Рассмотрим теперь второе предположение, т.е. победу Германии. Некоторые придерживаются мнения, что эта возможность представляет для нас серьезную опасность. Доля правды в этом утверждении есть, но было бы ошибкой думать, что эта опасность будет так близка и так велика, как некоторые ее представляют. Если Германия одержит победу, она выйдет из войны слишком истощенной, чтобы начать вооруженный конфликт с СССР по крайней мере в течение десяти лет. Ее основной заботой будет наблюдение за побежденными Англией и Францией с целью помешать их восстановлению. С другой стороны, победоносная Германия будет располагать огромными территориями, и в течение многих десятилетий она будет занята "их эксплуатацией" и установлением там германских порядков. Очевидно, что Германия будет очень занята в другом месте, чтобы повернуться против нас. Есть и еще одна вещь, которая послужит нашей безопасности. В побежденной Франции ФКП всегда будет очень сильной. Коммунистическая революция неизбежно произойдет, и мы сможем использовать это обстоятельство для того, чтобы прийти на помощь Франции и сделать ее нашим союзником. Позже все народы, попавшие под "защиту" победоносной Германии, также станут нашими союзниками. У нас будет широкое поле деятельности для развития мировой революции.

Товарищи! В интересах СССР — родины трудящихся, чтобы война разразилась между Рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон. Именно по этой причине мы должны согласиться на заключение пакта, предложенного Германией, и работать над тем, чтобы эта война, объявленная однажды, продлилась максимальное количество времени. Надо будет усилить

пропагандистскую работу в воюющих странах для того, чтобы быть готовыми к тому времени, когда война закончится...”\*

С осени 1939 года эта мнимая речь стала с легкой руки солидного французского агентства “Гавас” гулять по страницам газет и журналов чуть ли не всего мира. Цель такой публикации была более чем очевидной — скомпрометировать советскую внешнюю политику и возложить на Советскую Россию и лично Сталина ответственность за развязывание второй мировой войны. Stalin, как известно, откликался довольно редко на всякого рода публикации, касавшиеся его личности и его политики. Однако в данном случае он счел настолько необходимым опровергнуть измышления, содержащиеся в информации о его речи. 30 ноября в “Правде” появилось его заявление следующего содержания:

“Это сообщение агентства Гавас, как и многие другие его сообщения, представляет вранье. Я, конечно, не могу знать, в каком именно кафе-шантане сфабриковано это вранье. Но как бы ни врали господа из агентства Гавас, они не могут отрицать того, что:

а) Не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) После открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) Правящие круги Франции и Англии грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны.

Таковы факты.

Что могут противопоставить этим фактам кафешантанные политики из агентства Гавас?

И.Сталин”<sup>89</sup>.

Таковы факты в их обнаженном виде. Если о “речи Сталина” можно сказать, что ее просто не было, поскольку даже такой ярый критик генсека, как Д. Волкогонов, в свое время писал: “В. Суворов настойчиво подчеркивает особое значение даты 19 августа 1939 г., когда, по его мнению, было принято решение о нападении на Германию. Разочарую автора: действительно, 19 августа заседание Политбюро состоялось, но военный вопрос стоял лишь такой: “Об отсрочке призыва в РККА рабочих строительства железной дороги Акмолинск – Карталы (по телеграмме Скворцова)”. И все. Никакого упоминания о плане “Гроза” и т.д.”.

Из статьи Волкогонова видно, что он “держал в руках” не протокол заседания Политбюро от 19 августа 1939 г., а решение Политбюро от 19 августа 1939 г. В конце 1930-х гг. количество вопросов, по которым Политбюро принимало решения, постоянно возрастало, но при этом число зафиксированных в протоколах заседаний Политбюро неизменно сокращалось (в 1937 г. – 7 заседаний, в 1938 г. – 5). В 1939 г. Политбюро приняло решения по 2855 вопросам, тогда как в течение года было проведено только 2 заседания Политбюро, оформленные

\* Текст речи приведен в указанной выше статье в журнале “Отечественные записки”. 2005 г. № 1.

<sup>89</sup> И.В. Сталин. Соч. Т. 14. Ответ редактору “Правды”. (Электронная версия).

именно как его заседания соответствующими протоколами – 29 января и 17 декабря.<sup>90</sup>

Помимо того, что такого заседания Политбюро вообще не было, сомнителен (представим на минуту, что оно было) факт стенографической записи такого выступления, поскольку, согласно постановлению самого Политбюро, в протоколы Политбюро ничего, кроме решений Политбюро, записываться не должно". Стенографирование обсуждения отдельных вопросов на заседаниях Политбюро осуществлялось только по специальному решению, о чем в протоколе делалась особая отметка. Подобный порядок оформления протоколов сохранялся практически все дальнейшие годы пребывания Сталина у власти.<sup>91</sup>

Видимо, вопрос о фальшивке с так называемой речью Сталина достаточно ясен – это была фальшивка, судя по всему, сфабрикованная в недрах разведывательного бюро французского генштаба. И точить лясы вокруг этой фальшивки нет смысла. Хотя на одну ахиллесову пяту всей сфальсифицированной речи следует указать. Здесь Stalin выглядит как поборник мировой революции, причем источником революционного взрыва он рассматривает большую войну. Между тем выше было показано, что вождь давно уже освободился от химеры мировой революции, поскольку реально оценивал общий ход мирового развития. Хилые перспективы мировой революции так или иначе признавал даже ее рьяный поборник Троцкий, тем более странным слышать из уст Сталина отдававшие запахом нафталина рассуждения о мировой революции, советизации Германии и т.п. чисто пропагандистские изыски. Реальные факты действительности того периода с абсолютной неопровергимостью свидетельствуют об одном: вождь советского народа в то время был самым серьезным образом озабочен судьбами безопасности собственной страны, а не фантастическими замыслами превратить чуть ли не всю Европу в составную часть советской империи, как выражаются многие западные политологи и историки. Короче говоря, и по своему происхождению, и по своему реальному содержанию данная речь никак не могла быть произнесена Сталиным, ибо ее исходные посылки, фундаментальные выводы, к которым он приходил, находились в явном противоречии со всей его политической философией.

Другое дело – текст опровержения Сталина, из которого однозначно явствует, что он снимает с фашистской Германии ответственность за развязывание второй мировой войны и возлагает эту ответственность на Англию и Францию, упрекая их вдобавок в том, что они отвергли якобы миролюбивые предложения Германии. Совершенно очевидно, что Stalin здесь идет наперекор реальным историческим фактам. И это никак не делает ему чести, поскольку во имя сохранения установившихся с Германией отношений он сильно перебарщивает. Здесь ему определенно изменило чувство осторожности и меры, он оказался не в состоянии заглянуть за горизонт событий и предвидеть крутой зигзаг в развитии мировых изменений, произошедших за период немногим более года. Здесь Stalin-тактик явно довлеет над Stalinом-стратегом.

Подводя краткий итог, следует оттенить следующие положения:

Внешнеполитическая стратегия Сталина накануне второй мировой войны целиком и полностью была сфокусирована на том, чтобы выиграть время и не дать вовлечь Советскую Россию в войну. Причем не последнюю роль играло то соображение, на какой стороне Советскому Союзу придется воевать, если он будет

<sup>90</sup> См. "Отечественные записки". 2005 г. № 1.

<sup>91</sup> Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. I. 1919–1929. М. 2000. С. 22, 24.

вовлечен в войну. Недоверие — и заметим, вполне обоснованное — он питал как к западным демократиям, так и к гитлеровской Германии. Именно стремление избежать войны, как можно дальше отодвинуть сроки ее наступления — таков был один из главных императивов, толкнувших Сталина на противоестественный с наиболее распространенной точки зрения пакт с Германией.

Если попытаться выявить генезис появления идеи самого пакта, то нужно со всей определенностью сказать, что он был фактически порождением, своего рода выкидышем политики Мюнхена. Не было бы мюнхенскогоговора, не было бы и советско-германского пакта со всеми сопутствующими международно-политическими последствиями. Политика попустительства гитлеровской экспансии, проводившаяся правительствами Англии и Франции, при почти полном равнодушии к этому со стороны США с неизбежностью закономерностью привела к тому, что у Советской России не оставалось иного выбора, как пойти на сделку с Гитлером. В противном случае события могли бы принять для нашей страны особенно опасный оборот, когда он оказался бы перед реальной перспективой войны на два фронта — на западе против Германии, на востоке против Японии.

Реализм и прагматизм Сталина помогли ему сделать единственно верный оставшийся ему выбор — пойти на соглашение с дьяволом, чтобы не быть раздавленным объединенным фронтом антисоветских сил. Ведь, в конечном счете, неизвестно, как бы стали развертываться события на европейском, да и не только на европейском, континенте, если бы Stalin отклонил предложение Берлина и тем самым оказался бы в состоянии глубочайшей военно-политической и стратегической изоляции. Надежд на то, чтобы какими-то иными дипломатическими средствами выбраться из тупика, в который его хотели загнать, по существу не было. Беспристрастный ретроспективный исторический взгляд на действия Сталина в те грозные и тревожные годы дает основание признать вынужденную сделку с Германией правильным и оправданным шагом.

В качестве своего рода аргумента научно-исторического плана позволю себе сослаться на мнение видного английского историка Б. Лиддел Гарта, который в своей получившей широкую известность книге о второй мировой войне дал следующую, на мой взгляд, вполне взвешенную и объективную оценку данному пакту. Он писал следующее: “Сталин прекрасно сознавал, что западные державы давно склонны позволить Гитлеру двигаться на восток, на Россию. Возможно, он считал советско-германский пакт удобным средством, с помощью которого агрессивную деятельность Гитлера возможно повернуть в обратном направлении. Другими словами, Stalin сталкивал лбами своих непосредственных и потенциальных противников. А это, по меньшей мере, означало ослабление угрозы Советской России и, вполне возможно, общее ослабление ее противников, что обеспечило бы России доминирующее влияние в послевоенном мире.

В 1941 году, после того как Гитлер вторгся в Россию, шаг, предпринятый Сталиным в 1939 году, выглядел фатально близоруким актом. Возможно, Stalin переоценил способность западных стран к сопротивлению и тем самым преуменьшил мощь Германии. Возможно также, что он переоценил свои собственные силы к сопротивлению. Тем не менее при рассмотрении положения в Европе в после-

дующие годы нельзя сказать с такой уверенностью, как в 1941 году, что меры, предпринятые Сталиным, нанесли ущерб России. Западу же все это нанесло неизмеримый урон. И главными виновниками этого являются те, кто был ответствен за проведение политики колебаний и спешки в обстановке, явно чреватой взрывом”<sup>92</sup>.

Общая положительная оценка внешнеполитической стратегии Сталина никак не равнозначна безоговорочному одобрению всех его конкретных шагов, предпринятых в тот период. Бросается в глаза его излишняя, порой ничем не мотивированная поддержка политики Гитлера в самый первый период после заключения пакта. Хотя, конечно, Сталин не мог считать фюрера миролюбивой овечкой, озабоченной лишь восстановлением справедливости, попранной Версальским договором. Он знал подлинную природу фашизма и истинное лицо политики экспансии, проводившейся Гитлером. Однако, поставив во главу угла цель – сохранить с Германией нормальные отношения, Сталин упустил из виду многие другие обстоятельства, требовавшие проявления большего недоверия к политике фюрера. Он, в сущности, переоценил его способности как политического деятеля и как политического стратега, поскольку Гитлер, опьяненный своими успехами, явно утратил чувство реальности и вступил на путь авантюризма. Сталин, видимо, полагал, что Гитлер гораздо умнее и не будет идти по пути, который не раз в истории приводил Германию к неотвратимому поражению. Наконец, о моральной стороне заключения пакта о ненападении. Конечно, с точки зрения моральных критериев пакт с Гитлером, если брать его во всей совокупности, трудно оправдать. Но в данном случае мы столкнулись с реальным противоречием самой жизненной реальности – чему отдать приоритет: сугубо моральным принципам и нормам или же коренным интересам многомиллионной страны? Что поставить выше – нормы морали или жизненно важные интересы народов, входивших в состав Союза и вручивших в его руки свои судьбы? Не нужно быть особо прозорливым, чтобы понять, что Сталин сделал выбор в пользу национально-государственных интересов Советской России. Здесь еще раз подтвердилась аксиома, выраженная нашим национальным гением А.С. Пушкиным, – власть верховная не терпит слабых рук. И Сталин продемонстрировал не только силу своей власти, но и историческую прозорливость. И сама история его оправдала, ибо в конечном счете победителем оказался Советский Союз во главе со Сталиным.

<sup>92</sup> Б. Лиддел Гарт. Вторая мировая война. М. – Ст.-П. 2002. С. 33.